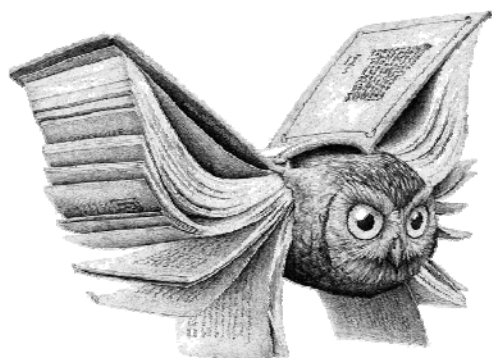
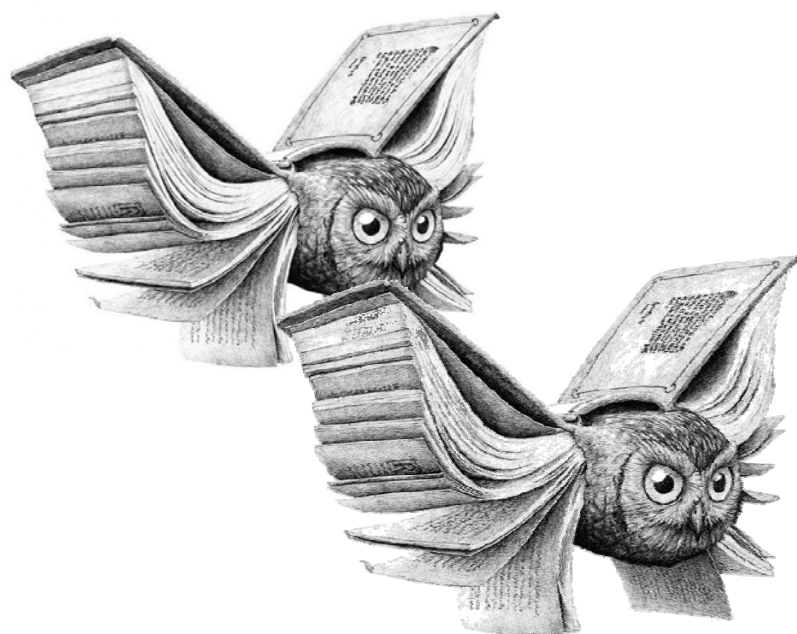

№ 3 (4)' 2016
Сентябрь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета

Шемелин А.В. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА"

Янков И.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры Мировой Экономики и Логистики Уральского государственного университета Путей Сообщения (УрГУПС)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Крылов Д.А. В центре силы и догоняющее развитие: изменяющие пространство и измененное сознание	5
Ст-н Амир. Быть и казаться: российские опыты бытия	17
РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	25
Горковенко А.Е. Пошлость. Художественное наполнение понятия от Ф. Достоевского до В. Набокова	25
Горковенко А.Е., Петухов С.В. Николай Гумилев в зеркале эпохи: взгляд поэта в будущее	35
РАЗДЕЛ III. NEMO NASCITUR DOCTUS	43
Манеров М.В. Ценностный выбор молодежи в политической сфере	43
РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	50
Густав де Молинари. Производство безопасности	50

ОТ РЕДАКТОРА

Какую силу имеет не совпадающий с общепринятым политическим нарративом одинокий дискурс? Действительно, шансы быть услышанным не велики, а то и просто ничтожно малы. Академик Д.С. Лихачев предложил разработать заповеди человечности, среди которых были, в частности, и такие идеи: Не мыслить свой народ врагом для других народов; Не искать в научной истине корысти для себя и зла для других; Не убивать и не начинать войну; Пускай мысли и труд человека будут мыслями и трудом свободного творца, а не раба.

В глазах современных политиков он увидел не яркость мысли, а лишь пустоту. Ведь Дмитрий Сергеевич так часто говорил о значении совести и подчинении морали, как единственной легитимной власти. Ведь обладающие внутренней свободой люди плохие подданные и ими сложно манипулировать, подсовывая морально ущербные идеи. Поэтому сегодня и не ставится задача растить интеллигентных людей. Предпочтение отдается воспитанию единомыслия с набором тех или иных компетенций. Академик Д.С. Лихачев не дожил до «падения» Академии наук, этой своеобразной «модели мира» и культурного центра, поставленного в «стойло» политической целесообразности.

Формирование индивидуальности не может быть подчинено шаблонам и директивным предписаниям. Индивидуум противоположен остальному миру, но он же остается его частью. Ему приходится выбирать свою позицию: Быть с миром; Быть над миром; Быть против мира. И этот выбор не тождественен внешним предписаниям, за которыми скрываются чьи-то корыстные интересы. Приходится учитывать и то, что наше понимание собственного положения исходно несовершенно. Вселенная не вращается вокруг нас. Остается здравый скепсис, позволяющий оценивать не только мир, но и себя в нем. И оценки с позиции оптимизма или пессимизма здесь совершенно неприменимы, когда человек решает для себя, станет ли он

проводником для добра или не станет. И важным, как считал Д.С. Лихачев, здесь оказывается именно свобода выбора и оценки.

Для этого нужно постоянно поддерживать потребность в чтении, расширении представлений о мировой и собственной культуре, добавим, необходимо и чувство вкуса, чтобы различать подлинное и фальшивое. Дистанцируясь от коллективного бессознательного человек выпадает из круга мистификаций и достраиваемой реальности. Уйти от инфантильности можно лишь развивая собственное мышление, которое не удовлетворяется примитивными нарративами, требованиями тождества, не зависит от не рефлексирующего со-знания, но шадит его, видя в образовании путь к просвещению масс.

Новая идентичность создается как система различий и множественности дискурсов, а не как система противостояния врагам и тиражирования антагонистических противоречий. Это мир горизонтальных связей, формирования общих дискурсивных практик. Мыслящего человека крайне сложно «затолкнуть» в прокрустово ложе предписываемого трансцендентального, хотя он сам и может трансцендентировать, но это всегда будет его собственный акт осмысления бытия.

Наша собственная конечность делает процесс осмысления бытия постоянным и требует непосредственной вовлеченности, которая невозможна при пассивном состоянии ума. Мы приветствуем мысль Николо Аббаньяно о том, что слабость человека и невозможность его природы выступают в качестве силы и мощи, позволяя человеку до конца реализовать свою человеческую природу и оставаться до конца самим собою. Ведь человеку дано осмыслить собственное бытие, собственную самость и собственное Я. Надо лишь оторваться от собственной погруженности в конечность и предписаний ее обезличивающих агентов.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

В центре силы и догоняющее развитие: изменяющие пространство и измененное сознание

Аннотация: В статье исследуется природа и механизм формирования политических наваждений, их связь с поведением масс. На фоне внутреннего и внешнего несоответствия западным цивилизационным стандартам и трендам в России сформирована устойчивая традиция рассуждений об «особом пути» и уникальности. Эти рассуждения призваны оправдать бремя неустроенности и мучительного созидания во имя метафизики избранности и архаизации бытия.

Ключевые слова: наваждение, современные химеры, особый путь, измененное сознание, архаика, модернизация.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

In the center of the force and catch-up development: changing space and altered consciousness

Annotation: This article examines the nature and mechanism of the formation of political obsession, their relationship with the behavior of the masses. Against the background of internal and external inconsistencies of Western standards of civilization and trends in Russia formed a very strong tradition of reasoning about the "special path" and uniqueness. These arguments are designed

to justify the burden of disorder and the painful creation in the name of the metaphysics of election and archaization of life.

Keywords: obsession, a modern Chimera, a special way, altered consciousness, archaic, modernization.

Выбор той или иной линии рассуждений, направленных на оценку себя или окружающего мира, связан не только с внешними задачами придания себе особой значимости, но и с внутренними мироощущениями, где всегда присутствуют элементы нарциссизма, зависти, обиды и неприязни. И многое здесь будет предопределяться исключительно настроениями, а не взвешенным анализом. Ведь надо же получить ответ на эмоциональный вопрос, – Почему нам так плохо и кто в этом виноват?

Ужас от неизбежной трагедии и вечной неустроенности сейчас воспроизводится в российском сознании как вековое задание на путях духовного строительства. Все жизненные издержки ничто, как и блага, когда брань духовная и земная решает судьбы мира сего.

Разумеется, речь не идет о массовом сознании, обремененном более прозаическими целями. Людям свойственно подстраиваться под внешние оценки без рефлексии и требования множественности оценок. И именно здесь возможна подмена представлений, конструирование химер или формирование наваждений. При этом речь будет идти не только о чертовщине, бесовском наваждении, но и о политических внушениях конспирологического толка или сверхидеях для отдельно взятого государства-народа.

Воображаемые цель и задачи спускаются сверху как некий идеал, призванный подчинять народ, но при этом перед нами оказывается очередная проекция бесконечного проекта России с потерянным оригиналом. И здесь мы можем впасть в ошибку, пытаясь охарактеризовать новейшую идейную ситуацию, как продолжение традиции противостояния Востока и Запада, славянофилов и западников. На это, в частности, вполне справедливо указал Александр Янов, обнаружив собственное заблуждение в процессе оценки

русского национализма, официальной народности и славянофильства и не обнаружив целостной линии развития этой идеологии прежде 1830-х. Ведь до этого времени самодержавие вполне спокойно обходилось без идеологии: «Ошибка усугубится, если читателю останется непонятным, почему возрождение Русской идеи в СССР началось лишь в конце 1960-х, а в постсоветской России – в 2010-е» [11].

В действительности, не имея новых идей и демонстрируя собственную неспособность изменяться, действующие правящие группы обретают силу в имперской идее, на которую нанизывается вся история страны. Отсюда проистекает и затея по написанию единого учебника истории, призванного легитимировать Новую эпоху власти. Отсюда и весь пафос предложения власти «новой опричнины» членами Изборского клуба и проекты возрождения Российской империи. Несмотря на то, что вся эта мифология «высосана из пальца», ее значение нельзя недооценивать.

И здесь необходимо уточнение. Власть, в силу своей бюрократической организации, не способна поддержать метафизические конструкции, тем более со стороны тех, кто вторгается на ее позиции минуя иерархическую систему. Заказ на интеллектуальное сопровождение не предполагает собственной инициативы и уж тем более, как говорится, критику справа.

Поэтому можно говорить лишь о временных союзниках, идеи которых апробируются на массах. И здесь уже почти как у К. Леонтьева: «Нам русским, надо *совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, – стать наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества*» [1, с. 249]. Эта идея тем поразительнее, что исповедуемый К.Н. Леонтьевым дух византизма, как подчеркивает Н.А. Бердяев, чужд русскому народу, но это оказывается совершенно неважным, так как «важен не народ, а великая идея, которая владеет народом» [1, с. 238].

Теперь становится понятным, то что произошедшее в первой четверти XX столетия в России было связано с общей установкой как правых, так и левых на народ, как на материал, который должен обрабатываться

«универсальными началами, великой идеей» [1, с. 238]. По-сути, речь шла об абсолютизации служебного начала. Не случайно, Леонтьев уже не держится за славянофильскую идею и любит Петра Великого, поставившего и знать, и религию, и народ, на службу государству. Как предтеча евразийства он любит не подлинную Россию, а «Россию царя, монахов и попов, Россию красных рубашек и голубых сарафанов, Россию Кремля и проселочных дорог, благодушного деспотизма» [1, с. 250].

Именно деспотическая идея оказывается наиболее ценной, как и ее самобытный российский вариант, где все осуществляется в той или иной мере принудительно, «по почину правительства». И чтобы ситуация не менялась Леонтьев как истинный консерватор выступает за «подморозку» страны с подлинной установкой для сохранения абсолютной власти: «Чтобы русскому народу действительно пребывать надолго народом-“богоносцем”, он должен быть *ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен*. Не надо лишать его тех *внешних ограничений и уз*, которые так долго утверждали и воспитывали в нем *смирение и покорность*» [1, с. 252].

Утверждение ригористической государственности и абсолютной ценности власти в лице царя, генерального секретаря или президента, лишает инициативы граждан страны, превращая их в род крепостных, призванных исполнять повинности. Относится это не только к массам, но и к пресловутой аристократии и олигархам, обязанным выполнять свой служебный долг. Не случайно в массовом сознании укладывается в общий ряд и критика капиталистических отношений, и поддержка государственного капитализма, а государственный патриотизм рассматривается как единственно правильная форма проявления лояльности к правящему режиму. Исключается или порицается либерализм с его правами человека и, соответственно, гражданский патриотизм, как проявление частной множественности индивидов.

Власть в России заявляется как абсолютный центр силы и сосредоточие высшего начала. Она повсеместно детерминирует жизнь своих подданных,

надзирает за ними, подает блага и карает, требуя в ответ сыновней любви и покорности. Это и есть «тьма власти», опирающаяся на «власть тьмы», массы людей, лишенных способности и права на рефлекссию. Любое проявление недовольства со стороны той или иной группы населения воспринимается как угроза отечеству и сыновняя непочтительность. В реальности возможна лишь смута, как выход для психозов в условиях кризиса власти. Ведь невозможно до бесконечности канализировать и подавлять примитивные психические силы, ориентируясь на массовое сознание.

В качестве отступления стоит обратиться к рассуждениям К.Г. Юнга, описавшем нарастание революционной напряженности, бессознательного в Германии после Первой Мировой войны, когда, в итоге, проснулась «белокурая бестия». С этого момента, волна, поднимавшаяся из глубин бессознательного «нашла отражение в индивидуальных сновидениях, в форме коллективных, мифологических символов, выражавших первобытные инстинкты, насилие и жестокость: короче говоря, силы тьмы. Когда подобные символы проявляются у большого числа индивидов и являются для них необъяснимыми, они притягивают таких индивидов друг к другу словно магнитом, и так формируется толпа. Лидер для нее вскоре найдется – личность, имеющая наименьшую сопротивляемость, наименьшее чувство ответственности, и, по причине своих низменных склонностей, наибольшую волю к власти. Он даст волю всему тому, что вот-вот готово взорваться, и толпа последует за ним, подобно неудержимой снежной лавине» [10, с. 45].

В условиях отсутствия или малой значимости критического мышления, нет шансов быть услышанным, особенно при постоянном давлении со стороны серого единообразия, как сверху, так и снизу. Тем более, что предрассудки имеют общий характер, формируясь языковой средой. Этим же обеспечивается низовая идентичность, не требующая рефлексии, а лишь соответствия группе и среде. Массы лишены возможности разглядеть в своем правителе собственную тень. А ведь именно об этом, о необходимости обнаружения и борьбы с собственной тенью, и рассуждал К. Юнг.

Низшая стихия довольствуется простейшим, близким к простым сказкам и мифам, а не к сложным интеллектуальным построениям. Химерическая смесь, скажем, из идеи царской империи и победы времен советского строя, советский гимн и царский герб, идея евразийской державы и реанимированные враги советской эпохи, лишенной коммунистического будущего и без христианского апокалипсиса, – все это не более чем набор симулякров или наваждений. При этом изменяется не только смысл и содержание образов прошлого, а формируется новый пласт несовременной современности. Тем самым отсталые формы управления в России маскируются под актуальные, соответствующие традиции и ментальности общества.

Нет ничего удивительного в том, что страна постоянно находится в состоянии опоздания в развитии, предлагая населению довольствоваться идеей грядущего превосходства над всем миром. Пассивность или терпение населения также поддерживается идеей судьбы и предначертанным для избранного государства и народа. Правда, «само понятие необходимости такого порядка в высшей степени чуждо подлинной истории настоящего, в отношении которого не ясно, может ли она интересоваться значением понятия *теперь-бытие*, если весь ее интерес направлено на разнообразие того, что есть действительно, теперь» [3, с. 201].

Рассуждая о настоящем, сложно избежать аналогий с прошлым, вариациями на тему «золотого века» и самодостаточности. При такой постановке проблемы любая констатация современности будет описанием кризиса, а автор будет объявлен пессимистом или инакомыслящим. Обывательский уровень восприятия действительности, корректируемый сверху, не вносит различий в действительность, боится ее удвоения. Так и с патерналистскими настроениями и их критикой. Государство и действующая власть оказывается синонимами патриотизма. Парадоксальна и интерпретация понятия «Пятая колонна», которая описывается как внутренняя угроза существующему строю. В истории, как известно, этим

словом описывали внутренних сторонников твердой власти в Испании. Объяснить подобную химеризацию понятия, перенос его на либерально настроенных граждан, оказывается невозможным, особенно в условиях формирования мифа об осажденной крепости, росте обскурантизма на государственном уровне.

Защита государства, полагаем, не является подлинной целью правящего режима, но иных идей нет. Государство объявляется высшей ценностью по факту своего существования. Более того, происходит его теологизация, становясь заменой прежних институтов веры, подвергшихся секуляризации именно с целью переноса божественного истока на вполне человеческое творение. У К. Шмитта мы находим рассуждения о политической теологии как результате переноса теологических понятий на действующий правопорядок, оправдание прав суверена на непосредственное вмешательство и всевластие [8, с. 57, 60].

Возможно, что именно уровень теологизации политики и обеспечивает типы политических режимов, как более закрытых авторитарных или более открытых либерально-демократических. Не случайно, что К. Шмитт вынужден привести мнение Г. Кельзена о том, что «демократия есть выражение политического релятивизма и научности, освобожденной от чуда и догм, основанной на человеческом разуме, сомнении и критике» [8, с. 65].

Тем самым становится более понятным, что восстановление и сохранение архаического видения государства, в том числе и его религиозного оправдания, служит отнюдь не целям модернизации системы, а легитимации абсолютного авторитаризма или самодержавия. Те же «духовные скрепы» как метафизический конструкт играют роль механизма по приведению массового сознания к цели противодействия демонтажу архаического типа формирования суверенной власти. Это, образно говоря, историческая колея, из которой не удастся выбраться.

Рассматривая цикличность исторической динамики для России и, соответственно, власти, Н. Розов указывает на смену циклов

государственного успеха и упадка (рассуждения о кратких циклах свободы всегда проблематичны), движение в одном внутреннем пространстве без перспектив. Нужно выйти на перевал, чтобы увидеть новые горизонты. Хотя и не совсем понятная предлагаемая им установка на поиски «социально-политического здоровья России» [7, с. 128]. Ведь речь идет скорее об особенностях политико-социального устройства страны, а не ее хроническом заболевании. Движение в колее совершается из-за отсутствия нормальной дороги и кроме как на обочину оно привести не может, но постоянные рассуждения о собственном пути как раз и дают представление об устойчивости исторических тенденций подобного движения.

Культивируемый патернализм изменяет массовое сознание, канализирует поведение, где нет места индивидуальной свободе, а есть дарованное сверху. Складывается то, что можно было бы охарактеризовать как служилый патернализм, сходный с пониманием сыновней почтительности и служебного статуса по отношению к правителю в императорском Китае. Разумеется, полного совпадения здесь нет и не может быть, в том числе и в форме организации самовластия и отсутствия конфуцианской этики в России. Различие касается и культур народов, их характера, верований, отношения к труду, готовности к изменениям внешним и внутренним.

Поэтому речь следует вести именно о взаимоотношениях с властью и, соответственно, с государством, абсолютизация которых выступает в качестве важнейшего основания для их легитимации по факту своего существования. С точки зрения населения, искусственно и принудительно встроенного в систему, компенсацией выступают возможности кормления и получения ренты. При этом ни о каком «общественном договоре» речи быть не может, как и о злоупотреблении властью. Основополагающей мыслеформой в России остается идея доброго и заботливого царя. Поэтому не стоит превозносить способность народа к самоорганизации и определению высших целей. Тем более, что стоило бы помнить прежний исторический опыт, когда «народ-богоносец» оказался образно говоря «сволочью».

Не случайно, анализируя особенности пространственной организации российского государства, Н. Бердяев пишет о бесформенности русского народа, привыкшего полагаться на трансцендентную для него центральную власть [2, с. 70]. Ведь если и рассчитывать на встречное движение и инициативу, то не на условиях тотального контроля и подчинения. Но непреодолимой остается власть почвы, сковывающая и поработая силы русского народа. Вся идея охранительства оказывается, как полагает мыслитель, не более чем желанием удержать духовные силы народа в виде пассивной национальной самобытности, которая уже давно исчерпала себя [2, с. 73].

Централизм в России порождает особый вид метафизики, насаждаемый сверху как бюрократизм, с одной стороны. С другой стороны, он дополняется метафизикой темного провинциализма, который, как писал Н. Бердяев, взамен и обуславливается как форма установившегося в России бытия [2, с. 77]. Заметим, что мыслитель не видит здесь иного пути, как дать возможность для лишнего внешней опеки, самостоятельного самовыражения «обывательского» и провинциального начала в народе. Увы, но именно этого в России и не получилось до настоящего времени. И здесь важно понять, как организован вторичный центр силы, который претендует на окончательное решение вопроса, создание итогового мировоззрения и модели для всеобщего существования.

Как отмечает В. Иноземцев, в случае с Россией мы имеем «страну с гигантской территорией и большими ресурсами, страну, которая на протяжении последних 20 лет претерпела несколько глубочайших трансформаций, страну, с населением в 140 млн. человек, с ВВП около 600 млрд. долларов, с крайне несовершенной структурой экономики, с очень странной парадигмой вовлеченности в мир (с некими элементами имперского мышления и очень серьезными амбициями), и с полным отсутствием значительных достижений в области мировой экономики» [4].

При такой оценке ситуации, отметим ее точность, власть предрержащим остается только воспроизводить химеры и нарративы прошлого. Среди них, скажем, пример Херсонеса Таврического (Корсуни), причисленного к преддверию крещения Руси. Явно оформленный на потребу дня миф о месте никогда не бывшем священным местом для поклонения православных, играет роль политической химеры не способной к самостоятельному существованию. Нацеленность на «корсунскую легенду» в духе утверждения сакральных начал носит избирательный характер с претензией на универсум и автономность, но без учета исторических связей и означений. Не случайно диакон Андрей Кураев пишет о недоумениях по поводу легенды, которая отражает, скорее, греческую точку зрения на крещение Киева, чем собственную: «Корсунская легенда и зависимые от нее памятники отрицают самостоятельность выбора, изображают характер Владимира-язычника, не щадя чувства национальной гордости русского народа, и приурочивают Крещение к Корсунскому походу, считая это событие делом случая, которым воспользовалось греческое духовенство» [5].

Проблемой для современной России и ее руководства является отсутствие метарарратива и, соответственно, потребность в создании новейшей мифологии в стиле простейших нарративов. Освящение власти явно не совпадает с либерально-демократическими принципами легитимации и требует ритуального поклонения, характерного для эпохи доиндустриального общества. Поэтому речь здесь следует вести об определенной примитивизации политики, определяемой как борьба за сохранение консервативных ценностей. Любая множественность представлений вступает в противоречие с целостностью такого политического тела. Отсюда проистекает ностальгия по идеологии как механизму принудительного единомыслия, а также стремление к ужесточению законодательства в духе «полицейского» государства. Стоило бы сразу насторожиться, после заявления о том, что «парламент – не место для дискуссий».

Невольно вспоминается принцип, предшествовавший установлению самодержавия на Руси: «Царь указал, а бояре приговорили». И если речь идет о сохранении или защите подобной архаики, то вновь создаваемый мифологический мир оказывается механизмом по вечному возвращению к исходному состоянию. При этом сама изначальная модель как раз и оказывается составленной из разных исторических эпох и традиций, т.е. химерой. А процесс искушения мифологией рано или поздно заканчивается подчинением мифам или идеологии и перефразируя известное произведение Павла Крусанова «Укус ангела», миру следует ждать Псов Гекаты.

Измененное сознание довольствуется нерефлексивными представлениями, навязанными утверждениями о принадлежности к общности и целостности, миру исключительного пространства. Измененное сознание оказывается отключенным сознанием, которое, как считает В. Пастухов, обеспечивает замену подлинных идей идеями-вирусами, в нашем случае, черносотенными [6].

Разумеется, что социальный инфантилизм оказывается удобной базой для манипуляций общественным сознанием, но он не обеспечивает силы и эффективности страны, для чего нужен рост интересов, а не тиражирование предрассудков. Культивирование последних ведет к серьезным проблемам патологического характера и требует лечения на самых различных уровнях, в том числе и на уровне политического управления. Проблемой становятся и устойчивые культурные стереотипы с их тотальным требованием идентичности. Понимание действительности оказывается не поиском действительного ответа на происходящее, а моделированием вариантов прошлого бытия и попыток, как писал об архаическом мышлении М. Элиаде вновь пережить кризисы и трагедии своего мифического прошлого [9, с. 97]. Утверждение себя в качестве центра силы вне реальных успехов в области экономики, социального благополучия, обеспечения успеха жизнедеятельности людей и постоянной актуализацией трендов внешних и внутренних угроз, нуждается в организации иррационального сознания своих

граждан как единомыслящей общности, живущей во имя блага государства как такового. И здесь важно понять, принимая во внимание законы энтропии, как долго «старый порядок» сможет поддерживать собственное существование.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 1. 288 с.
2. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. 1197 с.
3. Декомб В. Современная французская философия / Пер. с франц. М.: Весь Мир, 2000. 344 с.
4. Иноземцев В. Россия и мировые центры силы // Полит.ру / URL: <http://polit.ru/article/2005/05/25/power> / 25 мая 2005 г. (Дата обращения: 05.07.2016).
5. Кураев Андрей, диакон. Владимир Путин и Херсонес // Русская политика / URL: <http://ruspolitics.ru/article/print-185.html> / 9 декабря 2014 г. (Дата обращения: 02.07.2016).
6. Пастухов В. Синдром измененного сознания // BBC Русская служба / URL: http://www.bbc.com/russian/blogs/2015/05/150505_blog_pastoukhov_syndrome_changed_consciousness (Дата обращения: 03.07.2016).
7. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 735 с.
8. Шмитт К. Политическая теология / Пер. с нем. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 336 с.
9. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. М.: «Инвест – ППП», СТ «ППП», 1996. 240 с.
10. Юнг К.Г. Синхронистичность / Пер. с англ. М.: «Рефл–бук», К. «Ваклер», 1997. 320 с.
11. Янов А. Русская идея и Путин // Конгресс интеллигенции Ставрополя: Блокнот / URL: <http://www.congress-st.ru/post/aleksandr-yanov-russkaya-ideya-i-putin-2013-09-13> (Дата обращения: 12.06.2016).

Быть и казаться: российские опыты бытия

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с двойственностью российского бытия. Официальная идеология консерватизма, патриотизм и поиски сакральных оснований для обеспечения внутреннего единства остаются единственными формами легитимации действующей власти. Множественные противоречия рождаются из попыток соткать современный образ страны из соединения символики и смыслов разных исторических периодов, придавая им высший смысл. Итогом бегства в прошлое становится утрата будущих перспектив.

Ключевые слова: общество нарратива, род бытия, автаркия, жертвоприношения, консервативное сознание, эсхатология, политические гибриды.

Amir St-n,
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

To be and to seem: the Russian being

Annotation: The article deals with the duality of Russian life. The official ideology of conservatism, patriotism and the quest for the sacred grounds to ensure internal unity remain the only forms of legitimation of the current government. Multiple contradictions are born of the attempts to weave modern image of the country from the connection of the symbolism and meanings of different historical periods, giving them a higher meaning. A summary of escape to the past becomes the loss of future prospects.

Key words: society narrative, kind of being autarky, the sacrifice, the conservative mind, eschatology, political hybrids.

Попытки сказать о своей особости предпринимались и прежде, но никогда не утверждалось, что отныне Россия не Европа. Евразийство как идея фикс стала ключевой темой для обретения собственного лица и геополитических претензий на грядущее превосходство над остальным миром. И не важно, что в современность протаскивается наследство то ли павшей под ударами турок-сельджуков Византии, то ли распавшейся кочевой

империи монголо-татар. Рядом с набирающей могущество и лоск современного государства Срединной империей – Китаем, это выглядит как-то неубедительно и карикатурно.

Не хотят ныне поборники величия страны быть ни столбовой дворянкой, ни вольною царицей, а желают стать владычицей морскою. Итог же этой истории про разбитое корыто не пугает тех, кто готов лишь браниться и искать врагов-недоброжелателей. Примыкание к иному бытию не рождает ощущения полноценности собственного бытия. И как спасительное, и вызов окружающему миру, звучат слова Ф. Тютчева: «Умом Россию не понять».

Здесь присутствует своеобразное отношение к собственному бытию, которое выступает как описание особой формы лишенного прагматического начала существования. Даже 70-летний период идеократии не добавил внутренних убеждений в целесообразности предпринимаемых действий, превратив цель в бесконечное движение в будущее. При этом ценность живущих, по образному выражению Ивана Карамзина и использованному в рассуждениях С.Н. Булгакова о цене бесконечного прогресса, приравнивалась к удобрению для «грядущего блаженства» потомков [4, с. 69]. Мыслитель был прав, указав, что учение К. Маркса стало своеобразной религией, набором верований о будущем царстве или земном рае.

Понятно, что крах мифологии был предопределен наличным бытием и его несовпадением с метафизическим горизонтом. В итоге было лишь массовое топтание перед Ничто. Очередные партийные съезды и гром барабанов под гимн ничего не значили, так как обещанное счастье не наступало, а житейские трудности и рутина будней мало способствовали поддержке верований. Тем более, что и вожди на глазах превращались в немощных развалин. Человек советский из устремленного в будущее титана становился малопривлекательным совком.

Современная идеализация прошлого в духе «Была великая страна» перевела ожидание будущего на воспоминание о прошлом как «золотом

веке» и героической эпохи. Эпоха борющихся идеологических лагерей получила новое прочтение – противостояние низкой духовности Запада. Даже наследники КПСС в лице Г. Зюганова и КПРФ забыли о борьбе с буржуазией как классом угнетателей и служат политическому режиму, проводящему политику государственного капитализма. Оппортунизм – соглашательская практика и отказ от ленинских принципов и активной поддержки международного рабочего движения, измена атеизму – печальное настоящее тех, кто продолжает называть себя коммунистами.

Подобная имитация подобного и похожего как постмодернистская иллюстрация к современному бытию, где гибриды и химеры стали основой для производства политических нарративов. Подавая Россию в качестве вечного проекта человеческой истории власть игнорирует негативные страницы прежней истории авторитарного правления. Жертвы такого правления оказываются сакральными приношениями на жертвенник величия страны. Иного осмысления жертв не предполагается, так как здесь присутствует направленное игнорирование реального положения вещей, заменяемое его нагромождениями ирреального [2, с. 45]. Ведь живое уничтожается во имя ценностей или идолов, обрекающих человека на смерть и ненависть.

Ложные боги или идолы требуют реального разрушения тел, которые обесцениваются и превращаются в род дров для поддержания священной топки. И в этом аспекте нет большого различия между жрецами ацтеков или идеологами классовой борьбы и национального превосходства. Все они последователи того или иного нарратива, давшего им легальное право массовых жертвоприношений и соответствующих этически оправданных стратегий. Сопrotивляться этому, оставаясь в рамках массовой идентичности, крайне сложно, так как нарративы оказываются исходной формой воспитания масс, формирования их со-знания.

Будучи исходной формой для конструирования смыслов, нарративы сопровождают человека всю его жизнь, поддерживая идентичность с

окружающим его социумом. И там, где критический ум и практические интересы уступают место предрассудкам, идолы сознания мгновенно обеспечивают единство верований. Поэтому нарастающая масса знаний и не приводит к искоренению архаических верований. Использование языковых схем аналогичных архаическим формам коммуникации оказывается наиболее успешными, так как не предполагает индивидуальной интеллектуальной активности. Доместикация ума в авторитарных обществах исключает свободное мышление или загоняет его на обочину общественного существования, на кухни, в маргинальные группы. Доместикация формирует групповую принадлежность, ставит в загон, противостоит любой индивидуализации, но наиболее активно заявляет о себе в переходные эпохи через ценности автаркии.

Консервативное сознание подчеркивает значение «мы» и «наше» и враждебно относится к любому инакомыслию. Ископаемые ценности как доказательство полезности то ли палеолита, то ли крепостного права, то ли опричнины или Домостроя, или «духовных скреп», не могут дать положительных представлений о грядущей «правильной» цивилизации. Благом считается любовь инфантильного народа под сенью мудрого отца. Примером подобных идей выступают рассуждения С. Бабурина: «Мы присутствуем при возрождении византизма не просто как идеологии всемирной духовной имперскости, а как стремления возвращения к «симфонии властей» – удивительной по своей силе, эффективности и гармонии системе взаимоотношений Церкви и государства. Имперский подход означает не только сильную власть, но и власть справедливую, при которой каждому человеку гарантируются все возможности для всестороннего развития, благополучной и достойной жизни. Не за счет других людей, а вместе с ними» [1, с. 20].

Претензии на вселенскость и эсхатологический проект спасения от Антихриста, противостояния разгулу зла и беззакония, как сценарий созидания Нового мира, выступают мистическим обещанием истинной

судьбы для отдельно взятого государства и его народа. Избыточная эсхатология, тем самым, перекрывает любые доводы о практической несостоятельности метафизики.

Тем не менее, разрыв между должным и сущим очевиден, а ссылка на внутренних и внешних врагов не снимает проблемы внутреннего несоответствия. По замечанию И. Яковенко: «Рай мыслится как тотальная нерасчлененность, бытие вне времени и социальности, а история и цивилизация как торжество сущего. Эсхатология есть осмысление интенции к бегству из истории и государства, бегству из навязанных догоняющему традиционалистскому обществу неимманентных ему состояний. Эсхатология – идеология архаика и традиционалиста, распятого на дыбе исторической динамики» [6, с. 91].

Природа российской системы весьма специфична в контексте восприятия и использования религиозных канонов. Здесь цели библейской истории как и собственной истории строго подчиняются текущему моменту оправдания власти. Так, св. Владимир и Корсунь превратились в пропагандистский ресурс, призванный поддержать в народе мессианские настроения и веру в правоту принимаемых властью решений. Мнения историков, не совпадающие с официальной позицией, не принимаются в расчет. И это вполне понятно. Но как не учитывать хотя бы и частных мнений богословов? По мнению дьякона Андрея Кураева, риторика властей вызывает многочисленные недоумения, ибо: «История это не газопровод. Попытка провести историческую линию от Херсонеса до Москвы, тщательно обходя Киев, слишком уж фантастична» [5].

Речь идет о довольно примитивной форме включения процесса мифологизации прошлого, где эсхатология лишена своей глубины и выступает в качестве «мифа по случаю». Никакой вечности здесь нет, а есть лишь сиюминутная конъюнктура на манер культа карго, ожидания всемирной катастрофы с последующим установлением правильного господства России. Ибо, как было обещано, кто был никем, тот должен стать всем. На этом

уровне эсхатология воспринимается как, хотя и напряженное, но пассивное ожидание. Даже объявление Москвы наследницей Рима не дает известной законности, а лишь выступает некой констатацией претензий на избранность данной свыше, но осуществленной вполне земным политическим способом. Тем более, что в современных условиях, требование защиты веры входит в противоречие с идеей религиозной терпимости и светского государства.

Символы прошлого есть, но они теперь не более чем гибрид из прошлого. Эссенциальные образы прежнего бытия вступают не только в противоречие между собою, но и оказываются малопригодными для экзистенциальной действительности, где отчужденность требует индивидуального опыта, а не движения в стаде. Но кого волнует подлинное воскрешение духа, движение к свободе, которую известный русский философ Н. Бердяев ценил превыше всего, как форму движения к Истине? Внешняя ритуалистика оказывается важнее и ценнее для организации поклонения власти, как проявление рабьего начала, тогда как: «Непослушание, восстание, бунт, могут быть большим послушанием голосу Божьему. Бог, вероятно, даже любит тех, которые с Ним борются» [3, с. 62].

Идеи постоянно деформируются в угоду политической конъюнктуры. Вырождением идеи под видом ритуальной солидарностью с властью стал и патриотизм, который из нравственного и социально ориентированного чувства жертвенности, превратился в форму выражения лояльности к правящему политическому режиму. Но здесь, в то же время, больше от кажимости, чем от долженствования, так как ритуальный патриотизм оказывается всего лишь формой самосохранения, а не желания принести себя в жертву по-настоящему.

Дух Левиафана не дает покоя власть предержащим. Игры в сакральное должны поддерживать представления в обществе об особой роли власти как внутреннего суверена. При этом важную роль играет поддержка именно подданных отношений, исключая просвещенных, осведомленных и свободных граждан, активно включенных в выработку необходимых

решений. Возможно, что именно такое прочтение понятия «политическое животное» вполне устраивает противников демократии. Левиафан превращает людей в подданных и полностью детерминирует их поведение. И именно он оказывается идеальной моделью для обеспечения всевластия суверена, предустановления правил игры, меняемых по своей прихоти, как и легальное право на преследования инакомыслящих, наименования друзей и врагов. Здесь все определяется «седалищем власти» и способностями восседающего на нем человека.

Неизбежность и всеобщность не знающей альтернативы своей власти системы подавляет самим фактом своего существования. Но видимость внешнего не равна содержанию, проявляемому в слабости и ограниченности любой тотальности, которая не может преодолеть внутреннюю неоднородность. Поэтому и не возможна пресловутая стабильность, так как за ней наступает распад, связанный с энтропийными процессами. Неспособность к серьезным изменениям заставляет постоянно менять внешние вывески, а то и изобретать собственный путь, создавая видимость движения. Определенным родом компенсации отсутствия внутренних изменений является внешняя экспансия, перенос закрытой системы вовне.

Богоизбранность или всемирная миссия, распространение собственной вселенной на остальной мир для такой системы остается исключительной формой отношения к внешнему миру, который остается чужим и враждебным по определению. Из этого мира берутся только материальные ценности, как это делали плохо приспособленные к техническому и культурному прогрессу кочевники. В итоге – малопродуктивное догоняющее экономическое развитие, связанное с большими издержками и с опорой на «корневое» мышление.

И здесь приходится вновь возвращаться к плохо форматируемому мышлению, которое согласно идей Ж. Делёза и Ф. Гваттари, характеризуется как линейное, иерархичное, пристрастное к бинарным оппозициям и унитарное. Мир архаического авторитаризма пронизывает все общество с

верха и до низа. Система, основанная на таком мышлении, не способна к поддержанию нового, рожденного в собственной среде. Поддерживаются лишь готовые образцы материальной культуры и отдельные идеи, которые принимаются как внешняя оболочка с собственным содержанием. Ведь любая множественность выглядит как прямая угроза внутреннему единству, его непосредственной тотальности.

Мистификация «под современность» скрывает рождение странных гибридов, состоящих из внешних форм успешных современных политических систем и внутреннего архаического содержания. Поддержание жизнеспособности такого гибрида всегда глубоко проблематично, ведь внутреннее содержание рано или поздно прорывается наружу, ломая любой благопристойный вид. Если кто-то рассчитывает на положительный синтез, то он должен пожертвовать традиционной культурой, точнее, ее архаическими началами. А ведь именно этого во внутренней российской политике мы и не наблюдаем.

Список литературы

1. Бабурин С.Н. Возвращение русского консерватизма. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 832 с.
2. Батай Ж. Теория религии. Литература и зло. Мн.: Современный литератор, 2000. 352 с.
3. Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. 384 с.
4. Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. М.: Наука. Т. 2. 752 с.
5. Кураев А. Св. Владимир, Путин и Херсонес // diak-kuraev / URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/722637.html> (Дата обращения: 25.08.2016).
6. Яковенко И.Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности (Связь, обусловленности, логика актуализации) // Общественный науки и современность. 2000. № 3. С. 87 – 95.

II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 882

А.Е. Горковенко
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

Пошлость. Художественное наполнение понятия

от Ф. Достоевского до В. Набокова

Аннотация: В статье поднимается проблема отображения пошлости в творчестве Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова. Примеры пошлости дают представление об авторском прочтении и понимании путей зла, рождения пустоты и скудности мышления.

Ключевые слова: Пошлость, антигерой, символический смысл, поддельная значимость, метафизическая пустота.

A.E Gorkovenko
Transbaikal State University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

Vulgarity. The artistic content of the concept from F. Dostoyevsky to Vladimir Nabokov

Annotation: The article raises the problem of display of vulgarity in the works of F. M. Dostoevsky and Vladimir Nabokov. Examples of vulgarity to give an idea of the author's reading and understanding of the ways of evil, born of emptiness and scarcity thinking.

Keywords: The vulgar, anti-hero, symbolic meaning, fake significance, metaphysical emptiness.

Пошлина (что идет, пошло с товару)
денежный сбор с привозного и отвозного
товара; мыто (очистка) <...>

Пошлый – давний, стародавний, что
исстари ведется // Ныне: избитый,
общеизвестный и надокучивший,
вышедший из обычая, неприметный,
почитаемый грубым, простым, низким,
подлым; вульгарным, тривиальным.

В.И. Даль

Русский философ И.А. Ильин понимал «пошлость» как воинствующее безбожие. Его глубокие религиозные размышления во многом созвучны с мыслями русских художников слова. В 1937 году он писал: «Настоящая религиозность состоит в том, что человек подходит ко всем вещам, делам и отношениям в жизни, оставаясь сам в Божием луче, освещая все эти отношения, дела, вещи Божиим лучом и отыскивая во всем ответный Божий луч. Этот Божий луч есть главное во всем, важнейшее, драгоценнейшее и руководящее; от него все делается значительным, глубоким и священным; без него все оказывается пустым, скудным, мелким, незначительным, ничтожным. Для этой пустоты и скудости, для этой незначительности и немощи русский язык еще сто лет назад нашел и установил особое имя и понятие – пошлости <...>...современное агрессивное безбожие, в его государственно-хозяйственной форме и в его тоталитарной культуре есть не что иное, как воинствующая пошлость, решившая навязать себя соблазном и террором всему человечеству. В мире встал агрессивный пошляк, который не просто наслаждается своей пошлостью, но видит в ней новое, высшее «освобождение», «откровение» и силится навязать его всем народам в гетерономном порядке» [3, с. 208].

Ярчайший пример всепроницающей пошлости дан в романе В. Набокова «Дар» как описание берлинского трамвая, обстановка в нем как бы сконцентрировала все то, что в герое – Федоре Годунове – Чердынцеве вызывало раздражение, «ясное бешенство», «грешную ненависть». Глядя на сидящего напротив пассажира, Федор «отчетливо знал, за что ненавидит его: за этот низкий лоб; за эти бледные глаза; за фальмильх и экстраштарк, –

подразумевающие законное существование разбавленного и поддельного; за полишинелевый строй движений, – угрозу пальцем детям, не как у нас стойком стоящее напоминание о небесном Суде, а символ колеблющейся палки, – палец, а не перст; за любовь к частоколу, ряду, заурядности; за культ конторы; за то, что если прислушаться, что у него говорится внутри (или к любому разговору на улице), неизбежно услышишь цифры, деньги; за дубовый юмор и пифаксовый смех; за толщину задов обоего пола, даже если в остальной своей части субъект и не толст; за отсутствие брезгливости; за видимость чистоты – блеск кастрюльных днищ на кухне и варварскую грязь ванных комнат; за склонность к мелким гадостям, за аккуратность в гадостях, за мерзкий предмет, аккуратно нацепленный на решетку сквера; за чужую живую кошку, насквозь проткнутую в отместку соседу проволокой, к тому же ловко закрученной с конца; за жестокость во всем, самодовольную, как-же-иначе; за неожиданную восторженную услужливость, с которой человек пять прохожих помогают тебе подбирать оброненные гроши; за ...» [5, т. 3, с. 73].

Вся «грешная ненависть» Федора изливается в длинном потоке безжалостной брани, оформленном в одном синтаксическом периоде.

И совершенно неважно, что пассажир оказался не представителем «жалкой, бедной, вымирающей нации», а соотечественником. Важно, что дьявольский дух этой грязи исходит не от конкретного носителя – немца, еврея, русского, – а определяет общее состояние современного писателю мира. А косное нагромождение трамваев, застрявших на площади, – становится предельным усилением образа вопиющего застоя.

Первый в легионе набоковских пошляков – Алферов (роман «Машенька»). Мимикрируя, Алферов «пропитался» духом всеобщего разложения и скверны. Примечательна последовательность, с которой Набоков создает образ этого «величественного пошляка». Вначале дается звуковая характеристика, через интонации голоса: «беззаботный», «бойкий», «докучливый», «неприятно певучий», «тихо и сахаристо посвистывающий»;

затем запах: «Алферов шумно вздохнул, хлынул теплый, вялый запах не совсем здорового пожилого мужчины», [5, т. 1, с. 36] и в завершении зрительное описание: «Он был в старом балахонистом песочного цвета пальто – как говорится демисезонном – в руке держал котелок. Светлые редкие волосы слегка растрепались, и было что-то лубочное, слащаво-евангельское в его чертах, – в золотистой бородке, в повороте тощей шеи, с которой он стягивал пестрый шарф» [5, т. 1, с. 37]. «Добивает» Набоков Алферова в последний день, в пятницу, рисуя его глазами главного героя: «Ганин выпустил дым, пристально глянул Алферову в лицо, – он все вобрал сразу: полуоткрытый, мокрый рот, бородку цвета навозца, мигающие водянистые глаза» [5, т. 1, с. 107].

Алферов очень точно и, казалось бы, даже тонко расшифровывает символический смысл положения, в котором оказались они вместе с Ганиным – застряли в лифте между этажами: «Тоже, знаете, символ», – замечает Алферов. И эта расшифровка – «остановка», «неподвижность», «Темнота» и «Ожидание», – вложенная в уста пошляка, придает общей «раздражительной» атмосфере оттенок ужаса и отчаяния.

Алферов во многом наследует черты Лебедева из романа Достоевского «Идиот». Пьяница и проходимец Лебедев толкует Апокалипсис. Современное состояние мира с его промышленностью, наукой, техникой, капиталистическими идеалами находится под проклятием, и Лебедев, называющий себя «профессором Антихриста», предсказывает гибель: «за конем вороним появится конь бледный, и имя ему смерть». Апокалиптическое прозрение автор вкладывает в уста шута, клоуна, лицедея и этим контрастом подчеркивает его страшный смысл.

Олицетворением пошлости в романе «Дар» является Щеголев, стоящий в одном ряду с антигероями Достоевского – Валковским, Лебезятниковым, Свидригайловым, Лебедевым, многими другими. В образе Щеголева укрупнены характерные особенности персонажей ранних произведений В.

Набокова – Алферова из «Машеньки», Валентинова из «Защиты Лужина», Горна из «Камеры обскура», месье Пьера из «Приглашения на казнь».

«Персонаж, выступающий под именем «великого пошляка», – писал Набоков в статье «Пошляки и пошлость», – не просто обыватель-новичок, нет это профессиональный жеманник с головы до пят, законченный тип благопристойного буржуа, всемирный продукт заурядности и косности. Он конформист, приспособившийся к своей среде. Ему присущи лжеидеализм, лжесострадание и ложная мудрость. Обман – верный союзник настоящего обывателя. Великие слова Красота, Любовь, Природа – звучат в его устах фальшиво и своекорыстно <...> У русских есть, вернее было специальное название для самодовольного величественного мещанства – пошлость. Пошлость – это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значимость, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность. Припечатывая что-то словом «пошлость», мы не просто выносим эстетическое суждение, но и творим нравственный суд. Все подлинное, честное, прекрасное не может быть пошлым. Я утверждаю, что простой, не тронутый цивилизацией человек редко бывает пошляком, поскольку пошлость предполагает внешнюю сторону, фасад, внешний лоск. Чтобы превратиться в пошляка, крестьянину нужно перебраться в город. Крашенный от руки галстук должен прикрыть мужественную гортань, чтобы восторжествовала пошлость» [6, с. 384, 388].

Тот же глубокий смысл вкладывал в понятие «пошлость» Ф.М. Достоевский. Вот что он пишет о персонаже романа «Преступление и наказание» с «говорящей» фамилией Лебезятников: «Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом прирастали к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же сами искренни образом служат» [2, т. 6, с. 279].

Печатью пошлости отмечена внешность, жесты, поступки, поведение, а главное, речь Щеголева – дробная, суетливая, псевдозначимая. Щеголев

сыплет дешевыми афоризмами собственного покроя: «не откладывая долгов в ящик», «как Христос за пазухой», «раздавили флакон и айда», «супруга подруга», вкрадчиво и безобидно, на первый взгляд, глумится над священными основами человеческого бытия: любовью, семьей, дружбой. Именно в уста этого убожества вкладывает Набоков сюжет своей «Лолиты», как бы развивая болезненные эротические фантазии персонажей Достоевского – Свидригайлова и Ставрогина, – и одновременно предвосхищая будущие толкования этого романа в бесконечно сниженном и смехотворно-нравоучительном контексте.

Из вычитанных в газетах сообщений Щеголев лепит свой мизерный подленький мирок: «Мир, создаваемый им, – пишет Набоков, – получался собранием каких-то ограниченных, безумных, безликих, отвлеченных драчунов, и чем больше он находил в их взаимных действиях ума, хитрости, предусмотрительности, тем становился этот мир глупее, пошлее и проще» [5, т. 3, с. 143].

Заполняя пустоту духовной жизни дешевой атрибутикой текущей повседневности, Щеголев не только счастлив своей псевдозначимостью, но пытается навязать свою «правильную», «рациональную философию Федору Годунову Чердынцеву, «бочком, бочком», буквально «влезает» в сферу творческих поисков героя. «Клейкость», «навязчивость» – родовая черта антигероев Достоевского и Набокова.

Палач месье Пьер («Приглашение на казнь») появляется на страницах романа в «снопе солнечных лучей, льющих на него сверху» [5, т. 4, с. 33]. «Безбородый толстячок» с толстыми ручками, длинными ресницами, чудными ровными зубами – в личине ангела он является герою, старается создать «тепличную дружественную атмосферу» и вовлечь Цинцинната в свой легион соблазнами низшего порядка, доставляющими тонкое наслаждение – расслабление, возбуждение усталых нервов, развлечение, увеселение. Сладострастие и чревоугодие – эти греховные начала пытается посеять и взрастить месье Пьер в сознании Цинцинната Ц. Набоков, так же,

как и Достоевский, в случае с Валковским («Униженные и оскорбленные»), бескомпромиссно развенчивает порочную философию антигероя, вложив в интонации его «проповеди», откровенный цинизм, наглую воинствующую самоуверенность.

К типу героя-пошляка можно отнести и многие женские образы. Ряду набоковских героев «достаются» «лжеизбранницы», «клеющиеся» к одаренной личности, в надежде близостью к необычному, пускай странному, но не похожему на других персонажу заполнить свою внутреннюю пустоту. Ганину («Машенька») – Людмила, неуклюжая, играющая роль «роковой женщины», Мартыну («Подвиг») – любвеобильная, но пошловатая А. Черносвитова; Лужину («Защита Лужина») – невеста, абсолютно чуждая устремлениям героя; Цинциннату – Марфинька, живущая низменными побуждениями; Кречмару («Камера обскура») – Магда, погубившая его жизнь; Дрейеру («Король, дама, валет») – Марта, движимая животными инстинктами. Все – похотливы, тщеславны, бездуховны.

Алферов, Горн, месье Пьер, Щеголев изображены в грубых карикатурных чертах, выступают в романах как шуты, клоуны, клеветники, предатели. Безусловно, это не «архизлодеи» Достоевского, но и у них есть свое демоническое вдохновение, их устами говорит метафизическая пустота, Хаос, они олицетворение греховности – сладострастия, чревоугодия, лжи, предательства, убийства, палачества.

Антигерои Набокова не только концентрируют в себе общественные пороки, но выступают в романах антиподами главных героев. Не случайно именно в «Даре», в первом романе, в котором тема «дара» раскрыта в полном объеме, появляется фигура Щеголева, «щеголяющего» своей безнравственностью, заурядностью, косностью, ложной мудростью, лжесостраданием. Творчество Федора Годунова-Чердынцева противопоставлено воинствующей пустоте и бездарности. Художественный дар героя, его духовный поиск истины – единственно возможный путь сохранить живую душу от губительного влияния всемирной пошлости.

Воинствующая пошлость страшная и уродливая сила, подавляющая живую жизнь, с ее верой, красотой, деянием, – это будто вначале незаметное наступление тьмы своеобразно и одинаково бескомпромиссно развенчали Достоевский и Набоков. Общее у них поклонение творчеству, способному открывать подлинные законы бытия и подлые устои бесцветного прозябания. Сближало писателей и стремление обобщить в одном лице свой идеал личности, в другом – совместить прямо противоположные начала. На этой сходной канве был выткан каждым из авторов, разумеется, неповторимый рисунок духовной жизни.

Достоевский полагал, что зло исходит из глубин непросветленного верой, стихийного существования. Однако, как известно, писатель считал, что зло можно преодолеть через покаяние, страдание и последующее неизбежно восхождение к Богу.

Набоков обрел свое понимание путей зла. Отрицая возможность борьбы с ним, так как преобразование сущего «немыслимо, как изменение звездной орбиты» – (путь Раскольникова), бескомпромиссно отвергая примирение с пороком (путь Мармеладова), Набоков противопоставил очевидному разложению души свой идеал, соотнесенный с творчеством, в котором, однако, выделяет его божественное происхождение. Изобличая вульгарность, пошлость (Алферов, Щеголев), поддельную красоту (Магда, Горн, Валентинов), лжелюбовь (Людмила из «Машеньки», невеста Лужина), мнимую талантливость (Ширин, Буш из «Дара», отец Лужина), дешевый патриотизм (семейство невесты Лужина), Набоков призвал к созиданию новой реальности, полностью очищенной от окружающей грязи.

«Искусство вырывает нас из дисгармоничного мира, – писал в начале XX века А. Белый, <...> Творческое слово созидает мир <...> Художник творит новое небо и новую землю» [1, с. 431, 434]. Почитая высоко творческий поиск А. Белого, Набоков был устремлен к той же возвышенной цели «творить новое небо и новую землю». Но идеолог «младосимволистов»

был уверен в реализации своей «жизнестроительной» теории, а Набоков ограничился высотой спасительной нравственности творческого труда.

Достоевский и Набоков бескомпромиссно развенчали процесс распада духовного опыта, «когда вековые традиции превратились в зловонную кучу мусора, которая начала разлагаться»⁶. Однако и в области нравственных ценностей у них была определенная переключка. Младший тоже мечтал о торжестве таланта, человеческого достоинства и добросердечия. Но столь светлые перспективы закреплял только за личностью художника, тогда как Достоевский верил в пробуждение, очищение человеческой души как таковой. Показательно такое высказывание Набокова: «В сущности, я надеюсь, что когда-нибудь появится такой исследователь, который перечеркнет все дотопе обо мне сказанное, и объявит во всеуслышание, что, обманчиво являясь в облики капризной жар-птицы, я был на самом деле жестоким моралистом, преследовавшим порок, не поощрявшим глупость, потешавшимся над вульгарностью и жестокостью, а превыше всего ставившим талант, самоуважение, честолюбие и вместе с тем – добросердечие» [4, с. 59].

Достоевский, по глубокому убеждению Вл. Соловьева, «слишком хорошо знал все глубины человеческого падения; он знал, что злоба и безумие составляют основу нашей извращенной природы и что если принять это извращение за норму, то нельзя прийти ни к чему, кроме насилия и хаоса» [7, с. 53]. О том же достижении великого художника-психолога написано стихотворение Набокова «Достоевский»:

Госкуя в мире, как в аду,
уродлив, судорожно - светел,
в своем пророческом бреду
он век наш бедственный наметил.
Услыша вопль его ночной,
подумал Бог: ужель возможно,
что все дарованное Мной
так страшно было бы и сложно.

6-24 декабря 1919 года

(Сирин Вл. Горный путь. Берлин: Грани, 1923.)

Соловьев указал и «шаги спасения»; гениально угаданные Достоевским. В отравленной атмосфере ужаса и мрака писатель сумел почувствовать «свое бессилие и свою неволю», «осознать свое зло», вместе с тем «признать сущее Добро над собой», соединив веру в Бога с верой в человека и природу.

И эту христианскую черту, свойственную великому гуманисту – веру в сущее Добро над собой, способность «найти в человеке человека» – прочувствовал писатель XX века. Об этом его стихотворение «На годовщину смерти Достоевского»:

Садом шел Христос с учениками...
Меж кустов на солнечном песке,
вытканном павлиньими глазами,
песий труп лежал невдалеке.
И резцы белели из-под черной
складки, и зловонным торжеством
смерти – заглушен был ладан сладкий
теплых миров, млеющих кругом.
Труп гниющий, трескаясь, раздулся,
полный склизких, слипшихся червей...
Иоанн, как дева, отвернулся,
Сгорбленный поморщился Матвей.
Говорил апостолу апостол:
«Злой был пес; и смерть его нага,
мерзостна...»
Христос же молвил просто:
Зубы у него как жемчуга...»

1921 (Сирин В. Гроздь. Берлин: Гамаюн, 1923).

Набокову тоже было свойственно признание «сущего Добра над собой», но оно было сосредоточено лишь деятельностью таланта. Вот почему его многие герои: Лужин, Бахман, Годунов-Чердынцев, Синеусов и другие – даны в процессе зарождения и развития творчества: Богом данный «дар» спасает личность от раздвоения, расщепления души, равно как от тлетворного воздействия окружающей «глупости», «вульгарности», «жестокости», пошлости.

Список литературы

1. Андрей Белый. Символизм. М.: Мусагет, 1910. 633 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. М., 1972 – 1988.
3. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: ТОО Парогъ, 1993. 448 с.
4. Мулярчик А.С. Русская проза Владимира Набокова. М.: МГУ, 1997. 144 с.
5. Набоков В.В. Собрание сочинений: в 4-х тт. М.: Правда, 1999.
6. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999. 440 с.
7. Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. 422 с.

УДК 882

А.Е. Горковенко
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

С.В. Петухов
Ленинградский областной институт развития образования (С.-Пб.),
старший преподаватель кафедры филологического образования,
кандидат филологических наук
E-mail: 888pes@gmail.com

Николай Гумилев в зеркале эпохи: взгляд поэта в будущее

Аннотация: В статье рассматриваются особенности творчества русского поэта Льва Гумилёва. Устремленность в будущее одна из настойчивых идей поэта, разделивших судьбу своей страны.

Ключевые слова: русская литература, поэзия, ассоциации, творческие искания, экзистенция.

A.E Gorkovenko
Transbaikal State University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

S.V. Petukhov
Leningrad regional Institute of educational development (S.-Pb.),
senior lecturer of the Department of philological education,
candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: 888pes@gmail.com

Nikolai Gumilev in the mirror of the times: a glimpse of the poet in the future

Annotation: The article discusses the features of creativity of the Russian poet Gumilev. Focus on the future one of the persistent ideas of the poet, shared the fate of their country.

Keywords: Russian literature, poetry, Association, creative research, existence.

Индивидуальность Николая Гумилева как уникальной творческой личности оказалась шире границ созданного им акмеизма, литературного процесса рубежной эпохи, вышла за пределы общества и в немалой степени представляла собой самостоятельную величину, даже целый социокультурный феномен.

Подготовка Гумилева к «жизни будущего века» началась еще с «Романтических цветов» и полной приключенческих сюжетов судьбоносной истории, в которой будет всё. Это и рождение в момент неистовой бури на острове, имя которому город-крепость Кронштадт, «охраняющий дальнобойными пушками доступ с моря в Петроград» (Н. Оцуп), и Царскосельский лицей со смуглым отроком, бродящим по аллеям, и студенческое самоутверждение в Сорбонне. Это и бесстрашные паломничества в Африку – своеобразное экзистенциальное проявление свободы выбора, при котором человеком можно стать только в противостоянии, в борьбе: с самим собой (со своим «я»), с жизнью, с мировым злом... Это и настойчивые, едва не ставшие навязчивой идеей, не единожды приводившие к попыткам самоубийства, хождения к «капризной» Анне Горенко, которая все же не устояла перед натиском Николая или сделала милость и сжалилась над ним. Это и первая мировая война, из

которой Гумилев вышел победителем, отважным воином (два Георгиевских креста) и создателем сильных военных стихов (сборник «Колчан»), патриотичных и глубоко религиозных. Это и финальное большевистское ополчение на аполитичного или убежденно монархичного провозвестника новой культуры.

Гумилев был рожден на перекрестке двух миров: царской России и большевистского режима; серебряного и «красного» веков; реального и мистического содержания. Он отразился в зеркале той эпохи, которая еще не закончилась и той, второй, которая поглотила его, и, казалось бы, не оставила шансов на продолжение. Или почти 70 лет в неземном пространстве укрывавшая его от ненужных посягательств со стороны советской власти, чтобы наконец-то произошло его возрождение. (Крылья бабочки распахнулись из кокона смерти в порыве почти человеческого счастья – Набоков «Рождество»). Он это знал, когда прыгал на подножку своего «Заблудившегося трамвая» - одного из пророческих стихотворений, как будто посланного ему из будущего, волшебного и космического, которое Гумилев увидел в сочетании созвездий, метафорично названного им «зоологическим садом планет».

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкой для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Он был не от мира сего: от странной внешности до поступков; от суггестивности восприятия далекого экзотического континента до поэтики намека на «огненный столп», от беспомощных попыток добиться руки

Ахматовой до маленького террора на заседаниях цеха поэтов, от комплекса слабого ребенка (13 лет) до бесшабашного героизма на фронтах первой мировой войны, от века XIX до сегодняшнего дня.

Каждый шаг Николая Гумилева так или иначе связан с его устремленностью в будущее. Он прошел путь вместе со своим лирическим героем-конквистадором, который в августе 1921 года тоже не будет сломлен, как и его создатель. А большевики для него были не опаснее уже привычных африканских львов.

О смерти своей как неоромантик, как человек с обостренным чувством восприятия апокалиптического характера грядущей эпохи Гумилев писал еще в юности, на этапе становления. Тогда один из самых строгих критиков Валерий Брюсов сказал, что *поэзия Гумилёва живет в мире воображаемом и почти призрачном. Он как-то чуждается современности, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами. В этих странах — можно сказать, в этих мирах, — явления подчиняются не обычным законам природы, но новым, которым повелел существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии, но по странным, необъяснимым капризам, подсказываемым автором суфлером.*

Как будто с юношеских лет предчувствуя смерть, он не боялся играть с нею (попытки суицидов, дуэль, война...) И ПОРОЮ СОМНЕВАТЬСЯ: А ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ ТАМ, когда смерть все же придет? Однажды в сочельник 1920 года Гумилев произнес монолог, о котором вспоминала Ирина Одоевцева. Вот слова поэта, которые она приводит: «Будет ли вообще что-нибудь? Или все кончается здесь, на земле? Верю, Господи, верю, помоги моему неверию».

Прошел через испытание любовью к Анне Андреевне... Знал, что эта любовь обречена? Или это была не любовь вовсе?

Испытание войной несколько не было для поэта связано со страхом смерти (хотя у него был «белый билет» из-за косоглазия, но он-таки

напросился!). Николай Гумилев смело принимает суровый вызов эпохи в лице Первой мировой войны: «Он был, пожалуй, одним из немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание» (А.Я. Левинсон, цит. по Г. Струве). Он изображает мир земной и мир небесный как дихотомичное в единстве. А время, проведенное на передовой, поэт назвал лучшим в жизни, лучше даже путешествий в Африку.

Он и через войну пронес мысли о будущем. В одном из писем с фронта Гумилев писал: «Убить меня не убьют – ты ведь знаешь поэты-пророки» – тем самым уверенно заявлял о своем бесстрашии и предчувствии того, что не война станет причиной его смерти.

А потом европейские скитания и возвращение из Франции в Россию в те злополучные годы. Зачем? Он словно шел против течения эпохи, не хотел смириться с ней, постоянно доказывая, что можно быть героем «чужого неба», но нет ближе родной страны, и в ней он хотел увидеть свое последнее отражение (или поражение?).

Тягостен, тягостен этот позор –

Жить, потерявши царя!

- не эти ли строки стали вызовом новой поправшей все законы красной власти? И революция, с ее кровавым террором не для него и не про него. Он вместе со своим лирическим героем испытывал «звездный ужас» (одноименное стихотворение), в котором красный лебедь гонится за обезумевшими людьми. Ассоциации могут быть разными, но символика цвета новой власти трактовалась ею же вполне определенно...Противник, «враг народа»... А слово «товарищи» намеренно заменял в своих обращениях на «господа»... И вообще Слово ценил превыше всего: «А для низкой жизни были числа, Как домашний подъяремный скот, потому что все оттенки смысла Умною число передает...». Вождь мирового пролетариата угадал себя в созданном Гумилевым образе «седого патриарха», который «не

решаясь обратиться к звуку, тростью на песке чертил число», и не спас поэта (Ленин: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас»). И все-таки Гумилев в творчестве самоустранился от общественной жизни и, может быть, этим скомпрометировал себя? Ведь после революции, чтобы считаться благонадежным элементом, мало было не писать ничего плохого о власти пролетариата. Нужно было восхвалять ее. Если поэт не делал этого, значит, он — потенциальный враг!

Написал. В тюрьме. Туда взял с собой книги, книги будущего, книги для будущего. «Илиаду» Гомера – как музу дальних странствий, путеводитель и навигатор в страну, в которую был допущен лишь Орфей. И Евангелие – может быть, как явное подтверждение веры и приготовление к жизни будущей или как ностальгию по детству, когда мама Анна Ивановна вместо сказок по вечерам читала своим сыновьям Диме и Коле Священное Писание.

И вот они эти начертанные на стенах камеры перед расстрелом в так и точно неопределенном месте – в Бернгардовке, на ржевском полигоне, где-то между Приютино и старым Ковалево, или перед допросом, когда, по одной из версий, поэта до смерти забьют штыками, а потом сожгут в крематории на Васильевском...

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград...
И горит на рдяном диске
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.

А у нас на утлой лодке
Только синие решётки
Перекрещенных штыков.
Где лобзавший руку дамам

Низко кланяется хамам -
Видно, жребий наш таков.

Я не трушу, я спокоен,
Я - поэт, моряк и воин,
Не поддамся палачу.
Пусть клеймит клеймом позорным -
Знаю, сгустком крови чёрным
За свободу я плачу.

Но за стих и за отвагу,
За сонеты и за шпагу -
Знаю - город гордый мой
В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Отвезёт меня домой.

И снова Гумилев как будто знает, что парусное судно из гордого города доставит его по назначению. Его предсмертный заблудившийся трамвай превращается в плывущую по течению «в час заката» поэта крылатую каравеллу, на которой блудный сын возвращается домой.

Перерождение Гумилева случилось даже раньше, чем кто-либо мог ожидать. И парадоксальным образом в параллели со своим антагонистом. Ведь первая советская публикация Гумилева появилась в 1986 году в журнале «Огонек», в апреле, когда его стихи, приуроченные к 100-летию со дня рождения, по иронии судьбы попали как раз в номер с портретом вождя.

Жил как поэт, заглянувший в будущее, а умер как борец. Владимир Набоков скажет: «Ленинские бандиты казнили Гумилева, русского поэта-рыцаря».

Николай Гумилев не знал советскую историю, но чутьем поэта постиг ее уже в 1908 году, когда написал стихотворение «Выбор»:

Созидающий башню сорвется,

Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет...
Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право -
Самому выбирать свою смерть.

Он выбрал, он вернулся. Николай Гумилев, заблудившийся в рубежной эпохе, но создавший свою Гиперборею, писал о том, что имело выход в будущее и в Вечность...

Список литературы

1. Быков Д. «Заблудившийся трамвай» Гумилева
2. Зобнин Ю. Странник духа: О судьбе и творчестве Н. С. Гумилёва // URL: <http://gumilev.ru/about/89/>.
3. Кабанова С. Николай Степанович Гумилёв. Жизнь и творчество // URL: <http://www.habit.ru/20/88.html>.
4. Кулагина, А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н. С. Гумилёва: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2012 // Электронная библиотека / URL: <http://dlib.rsl.ru/01005019651>.
5. Меньшиков В. Поэт – гражданин Гумилёв // URL: <http://militera.lib.ru/bio/heroes1/05.html>.
6. Самохвалова, Я.В. Гумилёвский миф в русской литературе XX - начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2012 // Электронная библиотека / URL: <http://dlib.rsl.ru/01005012185>.
7. Скатов Н. Пропастям и бурям вечный брат
8. Сорина Л.М. Воин Первой мировой – Николай Гумилев // Литература в школе. 2012. № 1. С. 2–4. (Военные страницы биографии Николая Гумилева)
9. Федотов О. "Вначале было слово..." Опыт верификационного и стилистического комментария к стихотворению Гумилева // Литература в школе. 2012. № 3. С. 2–4.
10. «Я душу обрету иную...»: Методико-библиографический указатель по материалам жизни и творчества Н.С. Гумилёва (К 130-летию со дня рождения) / Сост. Кулбусинова А.Е. Карталы, 2016. 14 с.

III. NEMO NASCITUR DOCTUS

УДК 32

М.В. Манеров
Забайкальский государственный университет,
магистрант направления «Прикладная политология»,
исторический факультет
E-mail: dmdak@yandex.ru

Ценностный выбор молодежи в политической сфере

Аннотация: В статье рассматриваются ценностные представления молодежи в России в качестве условия для управления их мотивацией. Анализируются теоретические подходы к проблеме социализации молодежи. Делается вывод о том, что хотя система ценностей находится в движении, тем не менее проблемы, с которыми сталкивается молодежь, носят устойчивый характер.

Ключевые слова: Политические процессы в России, молодежь, политические ценности, мотивация.

M.V. Manerov
Transbaikal State University,
undergraduate the direction of "Applied political science",
the history Department
E-mail: dmdak@yandex.ru

The value choice of young people in the political sphere

The summary: In article valuable representations of youth of Russian are considered as a condition for management of their motivation. Theoretical approaches are analysed to the problem of socialization of young people. Conclusion is drawn that although the system of values is afoot, nevertheless problems which young people run into take steady character.

Keywords: Political processes in Russia, young people, political values, motivation.

Расширение представлений о молодежи и ее месте в общественных отношениях – тема многоплановая и сложная. Речь идет о динамичной группе населения, находящейся в стадии развития и самоопределения, с одной стороны, и испытывающей постоянное давление со стороны общества и его институтов, с другой стороны. При этом и сам процесс социализации, как системы передачи культурных целей и ценностей, оказывается подверженным глубоким различиям. Здесь мы сталкиваемся с известным сопротивлением познавательному процессу, который, согласно Пьеру Бурдьё, связан с множественностью аспектов, составляющих действительность социального мира [1, с. 39].

Решение этой проблемы связано с расширением наших представлений о социальных управленческих процессах, для выявления ведущих тенденций их развития и построения универсальных моделей. Но так как здесь речь идет лишь об общих ориентирах, то решение конкретной ситуации требует выработки реальных механизмов, опирающихся на прикладное знание. Тем самым обеспечивается развитие темы и преодолеваются возможные оппозиции между теоретическим и методологическим подходами. Тезис для нас безусловно важный, так как речь идет о феномене, имеющем значение для анализа социального взаимодействия и контроля.

Подход к проблеме молодежи требует взвешенного и беспристрастного подхода, так как при анализе современности и текущих процессах расслоения и противоречий в обществе, легко уйти от объективного анализа. Поэтому, стоит согласиться с Е.Л. Омельченко, которая считает, что необоснованной является паника относительно «падения нравственности» и распущенности всей молодежи. Кроме этого надо постоянно учитывать, «что жизненные стратегии молодежи подвержены влиянию миросистемных тенденций, молодежные идентичности начинают формироваться в новых типах социальных пространств, не столь однозначно зависимых от привычных структур: социального статуса, социального положения, разделения

предписываемых обществом социальных ролей женщин и мужчин, этничности, территориальной привязанности и др.» [4, с. 3-4]. Исследователь намечает важные для нас мотивы и направленность подходов к молодежной проблематике, анализу изменчивого характера молодежных практик и идентичностей. Отправной точкой, по нашему мнению, должен стать анализ отношения молодежи к системе социальных ценностей.

Идеологические, политические процессы, происходящие в сегодняшнем российском обществе, говорят об усилении его влияния, а так же влияния государства, на различные сферы жизни человека. В современной политической, отчасти в социологической науке, находит достаточное выражение характеристика возможности влияния общества, а так же отдельной взятой личности на политику, с другой стороны, политики на социум и индивида. Здесь правомерно говорить о политической активности или политическом участии [5, с. 162]. В некоторых странах оно значительно, в иных – нет. Российское государство, на современном этапе своего исторического развития, относится, вероятно, ко вторым.

Проблемам политической активности, политического участия, политической социализации посвящено достаточно большое количество исследований. Это работы, как политологов, социологов, так и представителей целого ряда иных научных направлений. Таких как: философия, история, психология и других. Среди исследователей можно выделить А.В. Дмитриева, который занимается проблемами социальной напряженности общества с точки зрения конфликтных ситуаций и психологии [2]. В последнее время немалую значимость приобретает политическая психология. В своих работах авторы затрагивают вопросы психологии власти, отношения личностей к политике, политический процесс. Часто политика рассматривается как система ценностей человека именно в политической психологии.

Реальностью времени является то, что молодежь часто даже не пытается обозначить свое участие в политической, экономической, правовой

и культурной сферах жизнедеятельности общества. Сегодня, в общественном мнении и в науке, постепенно, все более отчетливо утверждается мнение о полной политической бездейственности молодежи, ее минимальной заинтересованности проблемами гражданственности и политики. Здесь хочется обратиться к статистическим данным массовых опросов среди студенчества, которые показывают в своей статье А.В. Соколов и И.О. Щербакова. Гражданская позиция студенчества (по данной статье) характеризует следующее распределение:

А. «Осознаю себя гражданином России, знаю свои конституционные права и обязанности, будущее страны глубоко меня волнует» – 45% гуманитариев и негуманитариев;

Б. «Не задумываюсь над будущим страны, предпочитаю заниматься личными делами, хотя гражданство хочу сохранить» – 27% первых и 31% вторых;

В. «Охотно поменяю гражданство, если это окажется выгодным и полезным для меня» – соответственно 28% и 24%.

Отношение к политике таково: интересуются политикой, принимают участие в выборах – 22% и 18,7%. Иногда участвуют в выборах около 70,3% респондентов, оставшийся процент политический процесс не интересует [7, с. 118-119].

Для сравнения мы можем привести собственные исследования, проведенные в Забайкальском государственном университете с 20 сентября по 5 октября 2016 года. Выборка составила 140 человек. Приоритеты общества над личными интересами определили позицию 48% респондентов. 62% интересуется будущее своей страны. Поддержка Конституции РФ не относится к активной позиции для молодых людей – 10%, тогда как поддержка президента России оказывается на уровне – 64%, что отражает распространенные в обществе настроения. Готовность участвовать в выборах не превысила 18%. Участие в выборах 18 сентября 2016 года приняли 21%. Не интересуются политикой 76% респондентов.

Здесь, стоит сказать и о косвенной (или первичной) социализации. Так как большая часть юношества разделяет взгляды своих родителей. Вполне вероятно, что социализация проходит на протяжении всей жизни человека. Можно разделить точку зрения, что особенность изучения социализации связана с двойственностью объекта исследования «личность – общество». Для социальной нормы назначением является регуляция поведения личности и группы. Цель регуляции – передача социальной нормы. Субъективно-объективная сторона регулирования определяется отношением «передающий – усваивающий» [3, с. 160]. Чтобы каким-то образом изменить ситуацию, необходимо значительно активизировать работу с молодежью на разных уровнях, как на государственном, так и на местном.

Социализация человека на нынешнем этапе происходит во многом благодаря СМИ, где присутствует искаженная информация. С помощью СМИ ведется идеологическое внедрение «мировоззрения и моральных ценностей» в сознание людей. Такие частые изменения неизбежно ведут к перемене взглядов. Еще одна проблема, так же значительная для молодежной среды, это нежелание быть информированными. Основная часть современной молодежи почти ничего не знает о работе центральных, региональных государственных органов и органов местного самоуправления. Около 50 % молодых людей не могут определенно ответить на вопрос, для чего нужны исполнительные органы власти. Суждения тех, кто все же выделил задачи и функции последних, в подавляющем большинстве поверхностны. Молодые люди проявляют низкую информированность о государственном устройстве страны [8, с. 276]. В то же время, незначительная часть молодежи проявляет некоторую политическую активность. Но молодых неохотно «пускают» в политику, так как они часто являются выразителями радикальных взглядов и мер. Это можно проследить как в контексте всего исторического развития, так и в современной России. Молодые политики редко задумываются о последствиях, выдвигая тот или иной проект преобразования. В целом же

процент участия нового поколения в партиях и общественных движениях в настоящее время невелик.

Как и в иных сферах, для политической социализации молодежи необходимо развитие федеральных программ, а так же программ в субъектах федерации, которые способствовали бы повышению политической активности. Важно, чтобы участие в политике не ограничивалось бы простым голосованием на выборах. Ведь именно так подавляющее большинство заявляет о себе как об участнике политического процесса, хотя смысл, вкладываемый в это понятие, бывает различным. Как пример, для незначительной части студенчества это участие в молодежных комитетах, молодежных парламентах и губернаторских клубах, организациях молодых политологов. Эти, структуры предлагают проекты возможных мер по социальному переустройству общества, проекты возможного участия молодежи в политике. Если несколько лет назад подобные сообщества существовали только на западе нашей страны, то сегодня они стали появляться и развиваться в дальних регионах. Участникам этих комитетов необходимо учитывать проблемы социализации, социализации политической, многообразие интересов и намерений людей.

Скажем и о значимости учебного процесса. Реализация возможна здесь через спецкурсы (по политической ситуации в современной России, политической психологии, глобалистике и т.д.), а так же во внеучебной исследовательской, практической работе (проведение анализа политической ситуации в стране, опросы общественного мнения по политическим вопросам).

Несомненно, что система ценностей находится в движении, которое определяется изменениями переходного периода. Постоянной темой стали разговоры о кризисе, как некоем приговоре системе отношений и возможности определения целей социального развития. Наше исследование указывает на устойчивый характер проблем, с которыми сталкивается молодежь. Оно не снимает, разумеется, целого ряда вопросов. Тем не менее, следует помнить,

что кризис какого-либо явления отнюдь не равнозначен падению или исчезновению его социальной ценности [6, с. 44]. Сказанное вполне справедливо и для обобщенного анализа механизма взаимодействия поколений.

Список литературы

1. Бурдые П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
2. Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002. 526 с.
3. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социальная траектория // Социальные исследования. 2003. № 1. С. 109-115.
4. Омельченко Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX-XXI вв.: Автореф. дисс. ... д-ра. соц. наук: 22.00.06. М.: Ин-т социологии РАН, 2005. 34 с.
5. Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 90-95.
6. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
7. Соколов А.В., Щербакова И.О. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социальные исследования. 2001. № 1. С. 115-123.
8. Щеглов И.А. Политическая социализация в России // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. С. 276-284.

IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

Густав де Молилари

Производство безопасности

Библиотечка Индивидуалиста //

<http://sites.google.com/site/individualistlibrary/molinari/security>

Первоначально опубликовано под названием "De la production de la securit" в Journal des Economistes (Feb, 1849), pp. 277-290. Английский перевод Дж. Хастона МакКаллоха впервые опубликован как Gustave de Molinari, The Production of Security, trans. J. Huston McCulloch, Occasional Papers Series #2 (Richard M. Ebeling, Editor), New York: The Center for Libertarian Studies, May 1977.

Хотя выводы этой статьи могут показаться утопическими, мы все же полагаем, что ее следует опубликовать, чтобы привлечь внимание экономистов и журналистов к вопросу, который до сих пор рассматривался лишь отрывочно и к которому в наши дни следует подойти с большей тщательностью. Сущность и прерогативы государства преувеличивают столь многие, что стало полезным строго формулировать границы, вне которых вмешательство власти несет анархию и тиранию, нежели безопасность и выгоду. [Примечание главного редактора Journal des Economistes, 1849].

Есть два способа рассматривать общество. По мнению некоторых, развитие объединений людей неподвластно божественным, неизменным законам. Такие объединения, первоначально будучи организованными первобытными законодателями совершенно искусственным образом, впоследствии могут быть изменены или переделаны другими законодателями сообразно прогрессу *общественной науки*. В такой системе государство играет первейшую роль, поскольку именно на него как на блюстителя принципа власти возлагается каждодневная задача изменения и перестройки общества.

Другие полагают, что, напротив, общество – совершенно естественное явление. Подобно земле, на которой оно стоит, общество движется согласно всеобщим, предсуществующим законам. В такой системе, строго говоря, нет общественной науки; есть только наука экономическая, изучающая

естественный организм общества и показывающая, как этот организм действует.

Мы предполагаем изучить, в рамках второй системы, функционирование и естественную организацию государства.

Естественный порядок общества

Для того, чтобы определить и разграничить функции государства, необходимо прежде всего исследовать суть и цель общества как такового. Каким естественным импульсам подчиняются люди, объединяясь в общество? Они подчиняются общественному импульсу, или, точнее говоря, общественному инстинкту. Человеческая раса, в сущности, *общественна*, подобно бобрам и высшим видам животных, и у людей есть инстинктивная склонность к жизни в обществе.

Почему возник этот инстинкт?

Человек испытывает множество потребностей, от удовлетворения которых зависит его счастье, и неудовлетворение которых влечет за собой страдание. В одиночку, будучи обособленным, он может удовлетворить эти потребности лишь частично, в недостаточной степени. Общественный инстинкт сводит его с такими же людьми и подталкивает его к общению с ними. Таким образом, под воздействием *личных интересов* индивидов, сведенных вместе, возникает определенное *разделение труда*, которое с необходимостью влечет за собой *обмен*. Коротко говоря, мы наблюдаем возникновение *организации*, посредством которой человек удовлетворяет свои потребности полнее, чем он мог бы сделать это, живя в одиночестве.

Эта естественная организация называется *обществом*.

Стало быть, цель общества заключается в наиболее полном удовлетворении потребностей человека. Разделение труда и обмен – вот средства, с помощью которых это достигается.

У человека есть один особый тип потребностей, играющий огромную роль в истории человечества, а именно потребность в безопасности.

Что это за потребность?

Живи они в одиночестве или в обществе, люди прежде всего заинтересованы в сохранении собственного существования и плодов своего труда. Если бы чувство справедливости на земле было всеобщим; если бы, следовательно, каждый человек ограничивался трудом и обменом плодов своего труда, не желая отнимать путем насилия или обмана плоды труда у других; одним словом, если бы каждый испытывал инстинктивный ужас перед любым действием, которое вредит другому, то, несомненно, безопасность существовала бы на земле *естественным образом*, и для ее установления не требовался бы никакой искусственный институт. К сожалению, это не так. Чувство справедливости, по-видимому, присуще лишь немногим выдающимся и исключительным характерам. Среди низших рас оно присутствует лишь в зачатке. Отсюда бесчисленные, с самого начала мира, со времен Каина и Авеля, преступные посягательства на жизнь и собственность людей.

Отсюда же и создание институтов, цель которых – гарантировать каждому возможность мирно распоряжаться собственной личностью и собственными благами.

Такие институты были названы *государствами*.

Всюду, даже среди наименее просвещенных племен, встречается государство, столь всеобщей и насущной является потребность в предоставляемой им защите.

Всюду люди обрекают себя на крайние жертвы, но не обходятся без государства, а значит и защиты, не сознавая, что делая такой выбор, они совершают ошибку.

Предположим, что человек обнаруживает себя самого и свои средства выживания под непрестанной угрозой; не будет ли его главным и постоянным занятием защита от окружающих опасностей? Это занятие, эти усилия, этот труд неизбежно поглотят большую долю его времени, а также потребуют самых энергичных и активных способностей его разума. Следовательно,

удовлетворению прочих своих потребностей он сможет посвятить лишь недостаточные и непостоянные усилия, лишь часть своего внимания.

Даже если предложить такому человеку уступить значительную долю его времени и труда кому-либо, кто возьмет на себя задачу обеспечить ему возможность мирно распоряжаться своей личностью и своим имуществом, разве не будет такая сделка выгодной для него?

При этом, очевидно, приобретать *безопасность* по самой низкой возможной цене будет для него не менее целесообразным.

Конкуренция в безопасности

Если и есть в политической экономике достоверная истина, она такова:

Во всех случаях, для всех товаров, которые предназначены для удовлетворения материальных или нематериальных нужд потребителя, его интересам наилучшим образом служит свобода труда и торговли, потому что эта свобода имеет своим необходимым и постоянным результатом максимальное снижение цены.

И такова:

Интересы потребителя какого бы то ни было товара должны всегда господствовать над интересами производителя.

Следуя этим принципам, мы приходим к такому строгому выводу:

Производство безопасности в интересах потребителей этого нематериального блага должно оставаться под действием закона о свободе конкуренции.

Откуда вытекает:

Ни одно государство не должно иметь права препятствовать другому государству вступать в конкуренцию с ним или заставлять потребителей безопасности обращаться за этим благом исключительно к нему.

Тем не менее, я должен признать, что до настоящего времени это логическое следствие принципа свободной конкуренции вызывало у людей содрогание.

Один экономист, сделавший не менее прочих для того, чтобы расширить применение принципа свободы, г-н Шарль Дюнойе, полагает, «что функции государства никогда не смогут попасть в сферу частной деятельности».

[В своей замечательной книге De la libert du travail (О свободе труда), Vol. III, p. 253. (Издано Гильоменом.)]

Вот пример ясного и очевидного исключения из принципа свободной конкуренции.

Это исключение тем более примечательно, что оно единственно.

Без сомнения, можно найти экономистов, которые приводят более многочисленные исключения из этого принципа; но мы категорически заявляем, что они не чистые экономисты. Истинные экономисты в целом согласны, что, с одной стороны, государство должно ограничиться гарантиями безопасности для своих граждан, и что, с другой стороны, свобода труда и торговли во всем остальном должна быть полной и абсолютной.

Но почему для безопасности должно быть сделано исключение? Каковы особые основания того, что ее производство не может отдано на волю свободной конкуренции? Почему она должна управляться иным принципом и быть организована по другой системе?

На этот счет мастера науки хранят молчание, и г-н Дюнойе, четко отметивший это исключение, не изучает почву, на которой оно основано.

Безопасность – исключение?

Следовательно, мы приходим к вопросу: действительно ли это исключение хорошо обосновано в глазах экономиста.

Для разума оскорбительно полагать, что достоверный закон природы может позволять исключения. Закон природы должен выполняться всегда и везде, или быть неверным. Я не могу поверить, например, что закон

всемирного тяготения, который управляет физическим миром, может быть приостановлен в какой-либо момент или в какой-либо точке вселенной. Я считаю экономические законы сравнимыми с законами природы и верю в принцип разделения труда точно так же, как и в закон всемирного тяготения. Я уверен, что хотя этим принципам можно помешать, исключений они не допускают.

Но если это так, то производство безопасности нельзя исключать из юрисдикции свободной конкуренции; и если это произойдет, общество в целом понесет потерю.

Либо это логично и верно, либо принципы, на которых основана экономическая наука, неверны.

Альтернативы

Таким образом, тем из нас, кто верит в принципы экономической науки, а priori было показано, что указанное выше исключение не является оправданным, и что производство безопасности, подобно всему прочему, должно подчиняться закону свободной конкуренции.

Что нам остается делать, приобретя это убеждение? Нам остается изучать, как случилось, что производство защиты было подчинено не закону свободной конкуренции, а другим принципам.

Что это за принципы?

Это принципы монополии и коммунизма.

Во всем мире в индустрии безопасности нет ни одного института, который не основан на монополии или на коммунизме.

В этой связи добавим мимоходом одно простое замечание.

Политическая экономия равно неодобрительно относится к монополии и коммунизму в различных областях человеческой деятельности, где бы она их ни обнаружила. Поэтому разве не является странным и неразумным то, что она допускает их присутствие в индустрии безопасности?

Монополия и коммунизм

Рассмотрим теперь, каким образом все известные государства оказались либо подчинены закону монополии, либо организованы в соответствии с коммунистическим принципом.

Прежде всего исследуем, что понимается под словами монополия и коммунизм.

Можно наблюдать истинность утверждения, что чем более насущны и необходимы потребности человека, тем большими будут жертвы, на которые он согласится пойти ради их удовлетворения. Есть вещи, в изобилии встречающиеся в природе, производство которых не требует значительных затрат труда, но которые, удовлетворяя насущные и необходимые желания, могут из-за этого приобрести обменную стоимость, совершенно не соответствующую их естественной стоимости. Возьмем для примера соль. Предположим, что человеку или группе людей удастся заполучить исключительное право на производство и продажу соли. Очевидно, что этот человек или группа могут увеличить цену этого товара до уровня существенно выше его стоимости, выше цены, которую он бы имел при режиме свободной конкуренции.

Тогда можно сказать, что этот человек или эта группа обладает монополией и что цена соли является монопольной.

Однако очевидно, что потребители не согласятся добровольно платить дополнительный неправомочный монопольный налог. Нужно будет заставлять их платить, а для этого потребуется применить силу.

Каждая монополия обязательно опирается на силу.

Что происходит, когда монополисты перестают быть столь же сильными, как эксплуатируемые ими потребители?

Монополия в конце концов исчезает либо насильственным путем, либо в результате дружественной транзакции. Что сменяет ее?

Если разозленные взбунтовавшиеся потребители захватят средства производства в соляной индустрии, то вероятнее всего они конфискуют индустрию ради собственной прибыли, и первой мыслью их будет не отдавать ее на попечение свободной конкуренции, а эксплуатировать совместно за собственный счет. Они назначат директора или совет директоров для управления соляными работами, которым будут предоставлены средства, необходимые для оплаты издержек производства соли. Затем, поскольку прошлый опыт сделает их подозрительными и недоверчивыми, поскольку они будут опасаться, что назначенный ими же самими директор ради собственной выгоды захватит производство и просто открытым или тайным путем восстановит прежнюю монополию, то они выберут делегатов, представителей, уполномоченных ассигновать средства, необходимые для производства, наблюдая за их использованием и удостоверяясь, что производимая соль распределяется поровну среди всех, кто имеет на это право. Таким образом будет организовано производство соли.

Подобная форма организации производства получила название коммунизм.

Если эта организация применяется к одному товару, говорят о частичном коммунизме.

Если она применяется ко всем товарам, говорят о полном коммунизме.

Но будь коммунизм частичным или полным, политическая экономия допускает его присутствие не больше, чем наличие монополии, продолжением которой он является.

Монополизация и коллективизация индустрии безопасности

Разве не применимо к безопасности то, что только что было сказано о соли? Разве не это история всех монархий и всех республик?

Сначала производство безопасности везде было организовано как монополия, а сегодня оно везде организовано коммунистически.

Вот почему.

Среди необходимых человеку материальных и нематериальных благ нет ни одного более необходимого, кроме, может быть, пшеницы, и поэтому ни одно благо не позволяет вводить такой большой монопольный набор.

И ни одно из них не является настолько доступным для монополизации.

В самом деле, каково положение людей, нуждающихся в защите? Слабость. Каково положение людей, берущихся обеспечить их необходимой защитой? Сила. Если бы было наоборот, если бы потребители безопасности были сильнее производителей, они бы обошлись без их защиты.

Теперь, если производители безопасности изначально сильнее потребителей, разве не будет проще первым ввести монополию для вторых?

Всюду, где возникают общества, мы видим, как самые сильные, самые воинственные народы захватывают исключительную власть над обществом. Всюду мы видим, как эти народы захватывают монополию на безопасность в некоторых более или менее обширных границах, в зависимости от своей численности и мощи.

И поскольку по самой своей природе эта монополия чрезвычайно выгодна, мы всюду наблюдаем, как народы, наделенные монополией на безопасность, заняты жестокой борьбой для того, чтобы расширить охват своего рынка, количество принужденных ими потребителей, а значит, и объем своих выгод.

Война является необходимым и неизбежным последствием установления монополии на безопасность.

Другим неизбежным последствием является то, что эта монополия порождает все прочие монополии.

Увидев положение тех, кто монополизировал безопасность, производители других товаров не могли не заметить, что в мире нет ничего выгоднее монополии. В свою очередь, они испытали искушение тем же

самым образом увеличить выгоды от собственной деятельности. Но что им потребовалось для монополизации производимого ими блага в ущерб потребителям? Им потребовалась сила. Они, однако, не обладали силой, необходимой для принуждения потребителей. Что же они сделали? Они одолжили ее за вознаграждение у тех, кто ей обладал. Они попросили и получили исключительную привилегию продолжать свою деятельность в пределах некоторых установленных границ за оговоренную плату. Поскольку плата за такие привилегии приносила производителям безопасности большую сумму денег, монополии быстро охватили весь мир. Труд и торговля оказались в оковах, а положение масс оставалось в высшей степени жалким.

Тем не менее, после многих веков страданий просвещение мало-помалу распространялось по миру, и массы, которые душило бремя привилегий, начали восставать против привилегированных слоев и требовать свободы, то есть подавления монополий.

Этот процесс принимал разнообразные формы. Например, что произошло в Англии? Изначально народ, правивший страной и организованный по-военному (аристократия), имея во главе наследственного вождя (короля) и такой же наследственный административный совет (Палату лордов) по своему усмотрению установил цену монополизированной им безопасности. Между производителями безопасности и потребителями не было никаких переговоров. Это был абсолютизм. Но со временем потребители, осознав свою численность и силу, восстали против произвола и добились права обсуждать цену товара с его производителем. Для этой цели они направили делегатов в Палату общин для обсуждения уровня налогов, то есть цены безопасности. Тем самым они смогли несколько улучшить свое положение. Тем не менее, производители безопасности могли напрямую влиять на состав членов Палаты общин, поэтому дебаты не были совершенно открытыми, а цена безопасности превышала ее естественную стоимость. Однажды эксплуатируемые потребители взбунтовались против производителей и лишили их этой отрасли. Затем они занялись ей сами и

назначили для этой цели директора, которому помогал Совет. Таким образом, монополию сменил коммунизм. Но схема не работала, и двадцать лет спустя первоначальная монополия была восстановлена. Только на этот раз монополисты были достаточно мудры, чтобы не восстанавливать абсолютизм; они согласились на свободу дебатов по поводу налогов, одновременно с этим непрерывно подкупая делегатов оппозиционной партии. Они предоставляли этим делегатам контроль над различными постами в управлении безопасностью, и даже позволили самым влиятельным из них попасть в недра высшего Совета. Такое поведение было самым умным. Тем не менее, потребители безопасности в конце концов узнали об этих нарушениях и потребовали реформы Парламента. Эта реформа, ставшая предметом длительных споров, наконец произошла и с этого момента потребители добились значительного облегчения своего бремени.

Во Франции монополия на безопасность, точно так же пройдя через различные превратности и изменения, только что была повержена во второй раз.

[Де Молинари писал год спустя после революции 1848 года – Перев.]

Как это однажды произошло в Англии, монополия, существовавшая ради выгоды одной касты, а затем во имя определенного класса в обществе, в конце концов была заменена общественным производством. Потребители в целом, ведя себя как акционеры, назначили директора, ответственного за надзор над действиями директора и его администрации.

По поводу этого нового режима нам будет достаточно сделать одно простое наблюдение.

Точно так же, как монополия на безопасность логически должна была положить начало всеобщей монополии, коммунистическая безопасность должна логически положить начало всеобщему коммунизму.

В реальности у нас есть выбор из двух вариантов:

Либо коммунистическое производство превосходит свободное производство, либо нет.

Если да, то коммунистическим должно быть все производство, а не только производство безопасности.

Если нет, то прогресс требует его замены на свободное производство.

Полный коммунизм или полная свобода: вот альтернатива!

Государство и общество

Но мыслимо ли, что производство безопасности может быть организовано ни монопольным, ни коммунистическим образом? Можно ли представить его отданным на волю свободной конкуренции?

Ответ на этот вопрос со стороны политических авторов единодушен: нет.

Почему? Мы объясним, почему.

Потому что эти авторы, которых особенно заботит государство, ничего не знают об обществе. Они считают общество искусственным образованием и думают, что задача государства – постоянно изменять и переделывать его.

А для того, чтобы изменять или переделывать общество, необходимо обладать властью, превосходящей власть различных индивидов, из которых оно состоит.

Монополистические государства заявляют, что получили непосредственно от Бога эту власть, дающую им право изменять или переделывать общество по своему вкусу, и распоряжаться людьми и имуществом на свое усмотрение. Коммунистические государства апеллируют к человеческому разуму, явленному у большинства суверенных народов.

Но действительно ли монополистические и коммунистические государства обладают этой высшей, неодолимой властью? Имеют ли они на самом деле высшую власть по сравнению с той, которую могло бы иметь свободное государство? Вот что нам необходимо исследовать.

Божественное право королей и большинства

Если бы было правдой, что общество не организовано естественно, если бы было правдой, что законы, управляющие его движением, требуют постоянного изменения и переделки, то законодатели обязательно должны были бы иметь непреложную, освященную власть. Будучи продолжателями Провидения на земле, они должны были бы считаться почти равными Богу. Если бы все это не было правдой, разве не стало бы выполнение их задачи невозможным? Действительно, невозможно вмешиваться в дела людей, пытаться направлять и регулировать их, не затрагивая каждый раз самые разнообразные интересы. Если отсутствует вера в то, что власть обладает мандатом свыше, те, чьи интересы нарушены, будут сопротивляться.

Откуда же вымысел о божественном праве?

Этот вымысел, несомненно, представить легче всего. Если удастся убедить многих в том, что сам Господь избрал некоторых людей или некоторые народы, чтобы дать обществу законы и управлять им, никто не станет и мечтать о восстании против тех, кто назначен Провидением, и на все, что делает государство, будет дано согласие. Государство, основанное на божественном праве, нерушимо.

Но при одном условии: в это божественное право должны верить.

Если кто-либо вдруг задумается о том, что вожди не получают свои идеи напрямую от самого Провидения, что они подчиняются чисто человеческим импульсам, то их авторитет исчезнет. Их суверенным решениям будут сопротивляться безо всякого почтения, точно так же как мы сопротивляемся всему, созданному человеком, если полезность этого не была ясно показана.

Поэтому заманчиво было бы посмотреть на усилия, предпринимаемые теоретиками божественного права для того, чтобы установить сверхчеловеческую природу народов, имеющих власть над людьми.

Послушаем, например, г-на Жозефа де Местра:

Человек не создает суверенов. В самом крайнем случае он может служить инструментом для того, чтобы лишить власти одного суверена и передать его Государство другому суверену, который уже сам является князем. Более того, никогда не бывало семейства суверена, чья родословная восходила бы к плебейам. Если бы этот феномен возник, то он означал бы наступление новой эпохи на земле.

...Написано: Я создаю суверенов. Это не просто религиозный лозунг, метафора проповедника; это не что иное, чем буквальная правда, это закон политического мира. Господь создает царей, слово в слово. Он подготавливает народы-правители, возвращает их, окружив туманом, скрывающим их происхождение. Наконец, они появляются, увенчанные славой и честью; они занимают свои места.

[Du principe gnrateur des constitutions politiques. (О порождающем принципе политических конституций.) Предисловие.]

По этой системе, которая воплощает волю Провидения в некоторых людях и наделяет этих избранных, миропомазанных людей квази-божественной властью, подданные, очевидно, не имеют никаких прав. Они должны без сомнений повиноваться указам суверенной власти, как если бы они были указами самого Провидения.

Согласно Плутарху, тело есть инструмент души, а душа есть инструмент Бога. Если следовать школе божественного права, Господь выбирает некоторые души и использует их как инструменты для управления миром.

Если бы люди верили в эту теорию, то ничто не могло бы пошатнуть государство, основанное на божественном праве.

К сожалению, они совершенно утратили эту веру.

Почему?

Потому что в один прекрасный день им в голову пришла мысль усомниться и порассуждать, и в этом сомнении и в этих рассуждениях они

обнаружили, что их правители управляли ими не лучше, чем они, простые смертные, могли бы справиться сами, не имея связи с Провидением.

Свобода расспросов сократила ценность выдуманной идеи божественного права до того состояния, в котором подданные монархов или аристократий, основанных на божественном праве, подчиняются им только в той степени, в какой, по их мнению, это в их личных интересах.

Продвинулся ли коммунистический вымысел сколько-нибудь дальше?

Согласно коммунистической теории, первосвященником которой является Руссо, власть не спускается сверху, а поднимается снизу. Государство больше не ищет своей власти у Провидения, оно ищет ее у объединенного человечества, у единой, неделимой и суверенной нации.

Вот что предполагают коммунисты, сторонники народного суверенитета. Они предполагают, что человеческий разум в силах открыть наилучшие законы и организацию, идеально подходящую обществу; и что на практике эти законы выявляются по завершении свободной дискуссии между противоположными мнениями. Если единодушия нет, а после дискуссии сохраняются разногласия, то большинство остается в своем праве, поскольку оно составляет большее количество разумных индивидов. (Конечно, предполагается, что эти индивиды равны, иначе все построение рушится.) Следовательно, они настаивают на том, что решения большинства должны стать законом, и что меньшинство обязано им подчиняться, даже если это противоречит его самым глубочайшим убеждениям и вредит самым драгоценным интересам.

Это теория; но действительно ли на практике власть решения большинства имеет столь непреодолимый, абсолютный характер, как это предполагается? Всегда ли оно соблюдается меньшинством в каждый момент? Возможно ли это?

Возьмем пример.

Предположим, что социализм успешно распространяется среди рабочих классов в сельской местности, как это уже произошло среди рабочих классов

в городах; что затем он завоевывает большинство в стране и что, выигрывая от этой ситуации, он направляет социалистическое большинство в Законодательное собрание и выбирает президента-социалиста. Предположим, что это большинство и этот президент, наделенные суверенной властью, издают указ о введении налога на богатых в размере трех миллиардов, чтобы организовать работу для бедных, как требовал г-н Прудон. Может ли быть такое, что меньшинство мирно уступит этому чудовищно несправедливому и нелепому, но в то же время конституционному ограблению?

Нет, без сомнений, оно, не колеблясь, откажется признавать власть большинства и будет защищать свою собственность.

При таком режиме, как и при описанном ранее, люди подчиняются блюстителям власти только до тех пор, пока считают, что подчинение согласуется с их личными интересами.

Это подводит нас к утверждению о том, что моральные основания власти при монополии или при коммунизме не являются столь же прочными и обширными, какими они могли бы быть при режиме свободы.

Режим террора

Тем не менее, предположим, что правы сторонники искусственной организации, либо монополисты, либо коммунисты; что общество не организовано естественным образом, и что задача создания и переделки законов, регулирующих общество, непрестанно возлагается на людей, и посмотрим, в каком прискорбном положении окажется мир. В реальности моральный авторитет правителей опирается на рациональные интересы управляемых. Последние имеют естественную склонность сопротивляться всему, что вредит их интересам, и непризнанной власти будет постоянно требоваться физическая сила.

Более того, монополисты и коммунисты полностью понимают эту потребность.

Г-н де Местр говорит, что если кто-либо попытается умалить власть избранных Богом, то пусть он будет передан светской власти, и пусть палач делает свое дело.

Если кто-либо не признает власть тех, кто избран людьми, говорят теоретики школы Руссо, если он противится любому решению большинства, то пусть его накажут как врага суверенного народа, и пусть гильотина творит справедливость.

Эти две школы, которые принимают искусственную организацию как отправную точку, неизбежно приводят к одному и тому же: к ТЕРРОРУ.

Свободный рынок безопасности

Позвольте теперь сформулировать простую гипотетическую ситуацию.

Представим новорожденное общество. Люди, составляющие его, заняты созданием и обменом плодов своего труда. Естественный инстинкт подсказывает этим людям, что их личность, земля, которую они занимают и обрабатывают, плоды их труда являются их собственностью, и что никто кроме них самих не имеет права распоряжаться этой собственностью или прикасаться к ней. Этот инстинкт не гипотетический, он существует. Но поскольку человек – создание несовершенное, осознание права каждого на свою личность и свои товары не будет в равной мере присутствовать в душе у каждого, и некоторые индивиды будут предпринимать преступные посягательства на личность или собственность других путем насилия или обмана.

Из-за этого возникает потребность в индустрии, которая предотвращает или подавляет эти насильственные или мошеннические посягательства.

Предположим, что человек или объединение людей приходит и заявляет:

За вознаграждение я займусь предотвращением или подавлением преступных посягательств против личности и собственности.

Пусть те, кому нужна защита от любых нападок, обращаются ко мне.

Что сделают потребители, прежде чем заключать сделку с этим производителем безопасности?

- Прежде всего, они проверят, действительно ли он достаточно силен, чтобы их защитить.
- Во-вторых, не таков ли его характер, что им придется беспокоиться о том, что он станет подстрекать к тем самым посягательствам, от которых вынужден защищаться.
- В-третьих, не может ли какой-либо другой производитель безопасности при таких же гарантиях предложить им эту услугу на лучших условиях.

Эти условия разнообразны.

Для того чтобы иметь возможность гарантировать потребителям полную защиту их личности и собственности и в случае нанесения вреда предоставлять им компенсацию, пропорциональную понесенным потерям, необходимо:

1. Чтобы производитель установил штрафы для тех, кто посягает на личность или нарушает право собственности, и чтобы потребители согласились подчиниться взиманию этих штрафов в случае, если они сами совершат преступление;
2. Чтобы он навязал потребителям некоторые неудобства, с целью способствовать выявлению авторов преступлений;
3. Чтобы для покрытия издержек производства и получения соответствующей прибыли за свои усилия он регулярно взимал некоторую сумму, изменяющуюся в зависимости от положения потребителей, их рода занятий, размера, ценности и природы их собственности.

Если эти условия, необходимые для данного занятия, приемлемы для потребителей, то сделка будет заключена. В противном случае потребители либо обойдутся без защиты, либо обратятся к другому производителю.

Если рассмотреть природу индустрии безопасности, то очевидно, что производители обязательно ограничат свою клиентуру определенными территориальными границами. Они не смогут покрыть свои издержки, если попытаются предоставлять полицейские услуги в населенных пунктах, состоящих лишь из нескольких клиентов. Клиентура будет естественным образом сосредоточена вокруг центра их деятельности. Тем не менее, они не смогут злоупотреблять своим положением, навязывая потребителям что-либо. В случае необоснованного повышения цены безопасности потребители всегда смогут отдать право защищать их новому предпринимателю или соседнему предпринимателю.

Сохраняющаяся у потребителя возможность приобретать безопасность где ему угодно порождает постоянное соперничество между производителями, в котором каждый из них стремится сохранить или расширить свою клиентуру, привлекая ее дешевизной или тем, что правосудие будет отправляться быстрее, полнее и лучше.

[Адам Смит, чей замечательный дух наблюдения распространяется на любые темы, замечает, что отправление правосудия в Англии значительно выиграло от конкуренции между разными судами:

Первоначально судебные пошлины были главным источником средств, на которые существовали различные судебные учреждения Англии. Каждый суд старался привлечь к себе так много дел, как только мог, и был склонен считать себе подсудными многие процессы, которые вначале не подлежали его юрисдикции. Так называемый Суд королевской скамьи, учрежденный только для разбора уголовных дел, присвоил себе подсудность и гражданских дел, ссылаясь на то, что ответчик, причиняя несправедливость истцу, совершает некоторый проступок или преступление. Суд казначейства, учрежденный только для собирания королевских доходов и принуждения к уплате долгов королю, присвоил себе подсудность над всеми долговыми обязательствами на том основании, что, по словам истца, он не в состоянии платить долги королю, так как ему не платит долгов ответчик.

Вследствие таких уловок стороны получали во многих случаях возможность выбирать разные суды для решения своих дел, и каждый суд старался большей быстротой решения дела и беспристрастностью привлечь к себе как можно больше дел. Современное превосходное состояние судов в Англии получилось вначале, может быть, в значительной степени благодаря этому соревнованию, которое исстари имело место между различными судьями; каждый судья старался в своем суде дать самое скорое и действительное средство, какое только допускалось законом, против разного рода беззакония.

The Wealth of Nations (New York: Modern Library, 1937; originally 1776), p. 679. (Цит. по Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. – прим. пер.)]

Напротив, если потребитель не может приобрести безопасность где ему угодно, тотчас же открывается огромное поле деятельности, связанной с произволом и плохим управлением. Правосудие становится медленным и дорогим, полиция – недобросовестной, пропадает уважение к индивидуальной свободе, цена безопасности произвольно повышается и распределяется несправедливо, в зависимости от силы и влияния того или иного класса потребителей. Защитники вступают в жестокие схватки, чтобы вырвать потребителей друг у друга. Одним словом, проявляются все злоупотребления, присущие монополии или коммунизму.

Под властью свободной конкуренции война между производителями безопасности совершенно теряет смысл. Зачем им воевать? Чтобы завоевать потребителей? Но потребители не позволят, чтобы их завоевывали. Они будут внимательно следить за тем, чтобы их не защищали люди, беззащитно нападающие на личность и собственность своих соперников. Если бы некий дерзкий завоеватель попытался стать диктатором, они бы немедленно призвали себе на помощь всех свободных потребителей, которым угрожает такая агрессия, и обошлись бы с ним по заслугам. Точно так же, как

война – естественное следствие монополии, мир – естественное следствие свободы.

В режиме свободы естественная организация индустрии безопасности не будет отличаться от таковой для любой другой индустрии. На небольших территориях достаточно будет одного предпринимателя. Такой предприниматель может оставить свое дело сыну или продать его другому предпринимателю. На большей территории одна компания сама по себе сможет привлечь достаточное количество ресурсов, необходимых для занятия этим важным и трудным делом. При хорошем руководстве компания легко может продолжать свою деятельность в течение долгого времени, и безопасность будет сохраняться вместе с ней. В индустрии безопасности, так же как и в большинстве других сфер производства, второй тип организации, вероятно, в конце концов заменит первый.

С одной стороны, это будет монархия, а с другой стороны это будет республика; но это будет монархия без монополии и республика без коммунизма.

С любой стороны, эта власть будет принята с почетом во имя полезности, а не будет навязана путем террора.

Несомненно, будут споры о том, реализуема ли такая гипотетическая ситуация. Однако, рискуя быть сочтенными утопистами, мы утверждаем, что это неоспоримо, что при тщательном изучении фактов проблема государства будет все больше решаться в пользу свободы, точно так же, как это происходит с другими экономическими проблемами. Мы убеждены, что, насколько мы можем судить, однажды будут созданы общества для агитации за свободу государства, как они уже создавались во имя свободы торговли.

И мы без колебаний добавим, что после осуществления этой реформы и исчезновения всех искусственных препятствий к свободному действию естественных законов, управляющих экономическим миром, положение различных членов общества станет наилучшим из возможных.

Перевод под ред. Вадима Новикова, 25.04.2008.